

Альмира Рай

АКАДЕМИЯ

залетных

НЕВЕСТ

18+

Волшебные сказки в стиле Рай

Альмира Рай

Академия залетных невест

«Автор»

2020

Рай А.

Академия залетных невест / А. Рай — «Автор»,
2020 — (Волшебные сказки в стиле Рай)

Как часто вас мучают сны эротического характера? Если с завидной регулярностью, пора задуматься о причинах и следствиях. А что, если сны — это обратная реальность? И засыпая в нашем мире, мы просыпаемся в ином? Если так, тогда кто ОН, этот дерзкий наглец с размытым лицом и татуировкой дракона на мощной груди? Я рискнула и пошла за ним. И вот... Теперь я студентка магической академии, да к тому же невеста таинственного призванного, а все вокруг утверждают, что скоро у нас появится наследник, и мы будем жить долго и счастливо в этом безумном мире, где невест крадут из их постелей, местных женщин селят в резервации, а драконов боятся, как огня. Ох, девушки! Мы все так попали!

Содержание

Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Альмира Рай

Академия залетных невест

Глава 1

Я села, осмотрелась по сторонам и застыла. Полная луна отбрасывала блики на мою постель сквозь распахнутые створки окна. Еще и тюль колыхался на ветру. Банальщина, от которой я не удержалась и закатила глаза. Он точно здесь! Опять!

– Я уже сто раз говорила, что мне не интересно!

– Стр-р-роптивная! – раздался урчащий голос за дверью. А спустя секунду показался он. Мой ночной кошмар.

Ну как кошмар... Незнакомый полуголый мужчина с телом бога и татуировкой дракона на груди. Лицо было размытым, но при его появлении у меня поджались пальцы на ногах, а сердце начинало дико колотиться. И все бы ничего, но просто до ужаса взбесило его заявление, когда он приснился мне впервые. Как сейчас помню эти слова: «Знаешь, я вообще сюда не собирался. Времени в обрез, так что давай... Раздевайся, и приступим».

Такой поразительной наглости от собственной сексуальной фантазии я не ожидала. Даже проснулась сразу же. И потом весь день проходила с паршивым настроением. Это как же получается! Мало того, что в жизни никому я не нужна и мужчины от меня шарахаются, как от беды, так еще и во сне? Ну бред же! А он взял и приснился на следующую ночь. Вот тогда я его невзлюбила окончательно.

«Оказывается, я сюда буду возвращаться до тех пор, пока не удовлетворю все твои желания, – обреченно произнес мой татуированный кошмар. – Ну что сказать, я попал. Ты тоже. Так что давай, говори, чего тебе надо».

Ну нормально, да? Естественно, я в него запустила подушкой и прогнала прочь.

И так продолжается уже третью неделю. Я даже к психологу записалась. Выяснила, что наши сны – это субъективное восприятие образов, возникающих в сознании. И если снится мужчина, готовый исполнить все мои желания, то мне явно чего-то в жизни не хватает. Короче, потратила половину зарплаты на то, чтобы узнать, что я неудовлетворенная женщина. М-да...

– Знаешь, я тут подумал, а может ты из этих... – раздалось удрученно.

– Не поняла! – возмутилась я.

– Я имею в виду, любишь пожестче.

– Совсем не поняла!

– В любом случае, надо проверить, – продолжила моя фантазия, совершенно меня игнорируя. – Я на всякий случай прихватил это.

И в его руке чудесным образом появилась веревка. А во второй скотч.

– Я тебе этой веревкой знаешь, что сейчас свяжу? С бантиком! А с помощью скотча продемонстрирую глубокую депиляцию.

Мужчина устало выдохнул, и предметы пыток тут же растворились в воздухе. А сам он приблизился к кровати и сел на край, повернувшись ко мне спиной. На доли секунды даже чуточку жаль его стало. Но потом он опять заговорил...

– А может ты все же извращенка, а? Нравится тебе меня мучить.

– Ты совсем обалдел! – поразила я. – Кто тебя мучает, ты сам приходишь!

– И буду приходить, пока ты не расслабишься и не получишь свое.

– Да кто ты вообще такой? Откуда ты в моей голове взялся?

– Я твой сексуальный сон, – меланхолично произнес мужчина и потер лицо. – У меня из-за тебя такой завал на работе образовался, что я вообще могу ее потерять. Более несговорчивой женщины трудно представить. Вы же обычно сами на нас набрасываетесь. Что с тобой не так?

Я на секунду даже опешила. Этот сон становился все бредовой и бредовой. Теперь я сама психолог, что ли? И должна выслушивать жалобы своей же сексуальной фантазии? Ну бред же!

– Так, подождите! Возьму ручку и блокнот. На кого это «на нас»? И много ли вас, мужчин с размытыми лицами?

– Целое королевство, – заявил мой ночной гость. – Вы сами нас к себе вызываете. И раз я у тебя появился, то ты тоже этого хотела.

Он смолк, а я задумалась, стоит ли вообще переваривать информацию, если утром я, по идее, все равно забуду девяносто процентов диалога?

– Может, договоримся? – с надеждой предложил мужчина и обернулся. Я охнула и отползла подальше, когда увидела его лицо четко. Точнее, это было лицо моего босса – Никиты Степановича. Его в наш отдел недавно перевели. Мужчина – мечта. Он бы никогда в жизни и не посмотрел в мою сторону, если бы не работа. А сейчас сидел на моей постели в своем идеально выглаженном костюме и смотрел таким ласковым обожающим взглядом, что сердце заколотилось еще быстрее. Даже в ушах зазвенело.

– Н-никита Степанович? – пробормотала шокированная я. – А что вы здесь делаете?

– Валерия Анатольевна, вы издеваетесь? – спросил босс и помахал знакомой папочкой с моим именем. – И это месячный отчет?

Я пожала плечами и нервно улыбнулась. Месячный отчет я, откровенно говоря, похерила. А все из-за недосыпа и паршивого настроения.

– Понимаете, я просто...

– Да мне плевать! Вылетишь из компании как птичка! – пригрозил он и ослабил галстук. Вообще, уставшим выглядел босс. Так и хотелось его прижать к груди и пожалеть. Будто прочитав мои мысли, он сам задумчиво окинул взглядом мою фигуру и задержался на декольте ночной рубашки. Ох, что это был за взгляд! От него меня бросило в жар, и дышать стало сложнее, будто из комнаты высосали весь кислород.

Повисшее между нами напряжение, казалось, сейчас заискрится. Всего секунда, и мы оба взорвались. Набросились друг на друга как два одичалых кролика. Он оказался таким же страстным, каким я его себе представляла. Поцелуй был поразительным, прикосновения заставляли кожу гореть. Моя ночнушка с треском полетела вниз, а вот его рубашка все никак не хотела разрываться. А когда он приступил к основному блюду, я и вовсе бросила это занятие.

– Никита Степанович! – воскликнула я, задыхаясь от экстаза.

– Можно просто Никита, – предложил он и нахально улыбнулся. Этот мужчина сведет меня с ума! И мне все же мало! Я расстегнула верхние пуговицы его рубашки и... Застыла. Тату дракона. Подняла голову – лицо босса. Что-то явно не сходилось.

– А что происходит? – спросила я все также нахально улыбающегося Никиту. А он в ответ взял и запел! Да еще и женским голосом:

– Дай мне слово, что я твоя...

– Чего?

– Будешь любить снова и снова.

– Н-никита Степанович?..

– А если вдруг обманешь меня, то я... Заберу! Заберу, заберу, украду. Увезу. Увезу...

И я, окончательно проснувшись, отшвырнула телефон за тумбочку. Мелодия будильника теперь звучала приглушенно. Нашла его, вырубилась и откинулась на подушку, бездумно пялясь в потолок. День только начался, а у меня такое чувство, будто я всю ночь занималась спортом. И все бы ничего, да только засыпала я в ночной рубашке, а проснулась без нее.

– А может, к психиатру пойти? – призадумалась я, покусала губы, нашла взглядом валяющуюся в углу разодранную ночнушку. – Нет, наверное сразу к экзорцисту.

Про экзорциста я забыла всего через пару часов, когда оказалось, что мой сон был частично пророческим. Босс в самом деле отругал за отчет и приказал переделать в срочном порядке. Сим нелегким делом я и занималась следующие два дня.

Ночной кошмар не возвращался. Да и сексуальные фантазии с боссом больше меня не мучили. Если только извращенские, где он привязан к своему креслу и с кляпом во рту, а я со свернутым в рулон месячным отчетом шлепаю его по голове. Короче говоря, офисной скотиной оказался Никита Степанович.

И так прошел месяц. Я почти позабыла о том странном случае, старую ночнушку давно выбросила и побаловала себя новенькой розовой пижамкой с черными кружевами. Сны были безмятежными, даже сладкими, я высыпалась, не обращала внимания на ядовитых сотрудниц, шепчущихся за моей спиной, и в целом была почти удовлетворенной женщиной.

До одной странной ночи.

Опять полная луна. Последние деньки последнего месяца лета, и окна все еще нараспашку. Я точно спала, потому что в моей комнате никогда не было голубых лампочек. Но непонятно откуда именно сейчас появился яркий голубой свет. Сначала искорка над головой, которая и привлекла мое внимание, потом целый огонек. Он влетел в центр комнаты, начал вертеться вокруг своей оси и расти, расти, расти.... Пока не стал размером с меня. Я опять села на постели, натянув одеяло на нос. И что дальше? Оттуда же явно должно что-то выползти.

– Никита Степанович? – несмело позвала я.

Тишина. И очень долго ничего не происходило, только в образовавшемся круге синего света появилось странное мерцание.

– Валерия! – вдруг позвал дивный голос. И совсем непонятно, кому он принадлежал – мужчине или женщине. Голос был каким-то нереальным, завораживающим... ангельским, вот!

– Д-да?

– Иди, – приказал голос. И мерцание в центре круга расступилось, показав мне что-то белое. Бесконечный белый зал? Кажется, я вижу людей. Много!

– А зачем? Мне рано еще.

– Валерия! – недовольное. – Сказано, иди.

Ну, раз сказано... Странно, конечно, все, но ведь сон же. Утром проснусь и не вспомню.

Медленно отбросила одеяло, ступила на пол и сделала несколько несмелых шагов навстречу странному кругу.

– Можешь взять с собой одну вещь на память, – милостиво предложил голос.

Не отрывая взгляд от вида внутри круга, я протянула руку к туалетному столику и нащупала словарь немецкого языка. Он в качестве мухобойки там уже много лет лежит. Вообще не представляю, зачем он мне в том месте, но сказано было взять... Я, кажется, вообще противиться не могла. Это мерцание меня завораживало, манило и притягивало. В конце концов я протянула руку, погружая ее в теплое на ощупь пространство, и затаила дыхание. Делать следующий шаг не пришлось, неведомая сила буквально втянула меня внутрь. Я и очнуться не успела, как оказалась именно в том белом зале, который видела. Здесь действительно были люди. Правда, сразу насторожило, что одни женщины. Еще больше удивило, что все сонные, в пижамах, ночнушках и тоже со странными предметами. У кого расческа в руке, у кого плюшевый мишка... Но совсем поразила я, когда заметила рыженькую девушку с заметно округлившимся животиком и такой же особенностью, как у меня, – родимым пятном. Оно у нее тоже было на половине лица. Только не такое гадкое, как у меня. Я бы даже сказала, милое – в форме сердечка.

Обернувшись, увидела, что сияние за мной исчезло, и еще раз огляделась.

Женщин в этом бесконечном белом зале было около сотни. Но все смотрели в одном направлении. Я не видела, что происходит, не понимала, естественно, тоже, потому решила подойти к рыженькой.

Она на меня быстро покосилась и опять уставилась вперед, явно там кого-то ожидая.

– А у меня тоже родимое пятно, – начала я и крепче стиснула словарик.

Рыженькая опять удостоила меня взглядом и хмыкнула.

– В первый раз?

– Ага.

– А ты присмотрись. Здесь у всех родимые пятна, – ответила она.

И действительно, у многих они были. На руках, ногах, ключицах, предплечьях...

– У кого не видишь, у тех под одеждой, – добавила рыженькая. – Это метки. Не волнуйся, они пропадут сразу, как твой явится.

– Кто явится? Так, подожди! Как пропадут? Реально? Вот так возьмут и... исчезнут?

Ну хоть во сне помечтаю. Кто бы знал, как я из-за этой заразы непонятной формы страдаю с детства. Сколько шуточек, дразнилок и обидных прозвищ я перетерпела. А сколько на тоналку денег спустила, чтобы хоть как-то можно было в офис появляться. И все равно им не угодишь – нарекли Штукатуркой. Я уже помолчу о своей «богатой» сексуальной жизни. Один разок было, и то во сне с придурочным боссом.

Рыженькая опять отвернулась и пожала плечами.

– Нет, ну бывают, конечно, уникамы, как я. Но это скорее исключение из правил. Мне просто сбежать удалось. И видишь, чем опять все закончилось?

Она указала на свой живот и засмеялась. Видеть-то я видела, а все равно ничегошеньки не понимала.

– Ты уже симптомы чувствуешь? – спросила она. Я еще прежнюю информацию переварить не успела (тут, где бы я ни была, соображалось туго), а она опять меня заинтриговала.

– Какие?

– Ну как всегда! Тошнота. Перепады настроения. Непривычные ощущения внизу живота. Нет? Ну грудь-то больше уже стала?

Я, конечно, сразу покачала головой, но на всякий случай свободной рукой пощупала.

– Да я как-то никогда не жаловалась. Нормальная у меня грудь.

Рыженькая отмахнулась и опять посмотрела в глубину зала.

– Начинается, – с каким-то отрешением произнесла она. – Опять скандал закатит...

– Кто?

Не ответила.

– А где мы вообще?

Она опять проигнорировала вопрос и пошла вперед. Собственно, все пошли. И тут же послышался знакомый ангельский голос:

– Приветствую, милые человеческие женщины.

Теперь я точно знала, что говорил мужчина. Я его увидела. Он стоял на возвышенности, как на сцене. Не знаю, откуда он взялся, еще секунду назад не было. А как бы я не заметила огромного мужика в странном голубом то ли халате, то ли кимоно? Хотя если учесть, что все в ночнушках, то и ему логичнее было бы явиться в халате.

ТАК! КУДА Я ВСЕ-ТАКИ ПОПАЛА?

– Уверен, среди вас есть те, кто думает, что еще спит.

Я застыла.

– Это не так.

– Как это не так? – выкрикнул кто-то. – А как же?

– Для этого я здесь, – ласково пояснил мужчина в голубом. – Чтобы всему вас обучить. Но давайте начнем с главного.

Он обвел всех взглядом и широко развел руки в знак приветствия.

– Добро пожаловать в королевство Лахус. Люди вашего мира называли бы его магическим. Волшебным. И действительно, на Лахусе есть магия. Все жители королевства ею обладают. А

самые сильные и почтенные маги удостоены чести выбирать себе невест и матерей для своих детей из вашего мира. Именно землянки оказались идеальными парами наших мужчин. Климат Лахуса удивительным образом схож с климатом Земли, даже лучше – он идеален для вынашивания потомства. И все же вам предстоит узнать много нового. На протяжении следующих восьми месяцев, а для некоторых меньше, вас будут обучать культуре, традициям, истории, религии, географии, магии... – На этом слове он выдержал паузу и поднял указательный палец вверх. – И всему, что пригодится в жизни. С этой секунды вы подданные Лахуса. Лахушки!

Повисла напряженная пауза.

Девушки кто застыли, кто переглядывались, выискивая пояснение в глазах соседки. Одна в итоге отмерла первой.

– Кто-о-о-о?

И ее сразу поддержали возмущенным гулом. Нет, ну в самом деле! Что за бред?

Мужчина в голубом устало выдохнул и тихо произнес:

– Никогда с ними легко не бывает. – И громче добавил: – ЛА-ХУС! Название королевства нашего. То есть уже и вашего. В общем, так, дамы, а у нас говорят – эмины, идите за мной, я вам остальное по дороге расскажу. Да, и у кого утренняя тошнота или боли в спине – прошу, не волнуйтесь! В каретах установлены специальные очистители воздуха, а сиденья ортопедические с массажерами – все для вашего удобства, эмины. А самое главное, – он опять поднял этот свой палец и так улыбнулся, что все моментально стихли. Что-то нехорошее нас ждало. – В академии все неприятные симптомы беременности пропадут. У каждой!

– Какая, к черту, академия? – протянула одна из девушек, точно озвучив мои мысли.

– Какая, к черту, беременность? – добавила вторая. И тут третья окончательно подорвала всеобщее негодование:

– А что значит – у каждой? Мы что, все здесь беременные?

И у всех началась истерика. А истерика, как известно, проявляется по-разному. Кто матерился, кто орал, некоторые даже плакали. А я ржала. Просто не могла остановиться. Ржала, хватаясь за живот, в котором ни при каких обстоятельствах не могла поселиться жизнь. Ну бред же!

Глава 2

Массовая истерия прекратилась так же быстро, как и началась, стоило только ведущему вечера заорать на весь зал.

– ТИХО-О-О!

А голос у него все же гипнотический. Все быстро взяли себя в руки, кто лежал – встали, кто рыдал – успокоились. Я почти тоже, только приходилось зажимать рот ладонью и душить рвущийся наружу хохот. А лах в кимоно тем временем продолжил совершенно спокойно и снова ласково:

– Милые эмины, не стоит переживать и беспокоиться. Вам нельзя. Я понимаю, что у вас множество вопросов, и многие по-прежнему считают, что видят сон, но заверяю вас, осознание и принятие вашей новой жизни придет очень скоро. Итак!

Он обвел зал взглядом и остановился почему-то на рыженькой. Сощутив глаза, продолжил заливать уже вовсе не так сладко:

– Мое имя эмин Эринс, и в этом году мне выпала честь сопровождать вас до академии.

– В этом году? – спросила озадаченно стоявшая неподалеку брюнетка. Но Эринс отвечать не стал. У него, видимо, была для нас информация поважнее.

– Это учебное заведение было создано с целью принятия и обучения призванных невест, коими вы и являетесь. Но я не буду сейчас утомлять вас потоком информации, давайте приступим к самой приятной и захватывающей части нашего с вами путешествия!

– Уже просыпаться? – с надеждой спросил кто-то. Я хмыкнула и прижала к себе словарик. О нет! Кажется, этот сон только-только начинается. Мне лично было очень даже интересно посмотреть продолжение.

– Вы не спите! – повторил Эринс и опять выдохнул. Почти жаль его. – И скоро в этом убедитесь. Эмины, прошу за мной. Мы отправляемся в ваш новый дом!

И он развернулся. А за ним белая пелена растворилась чудным образом, и показался действительно фантастический вид. Нереально голубое небо со странными бликами, будто северным сиянием, только серебристо-золотистым, а еще горы. Потрясающей красоты горы с невероятным замком на самой вершине. К нему вела узкая извилистая тропа, которая начиналась там, где стоял Эринс. Чуть дальше ждали пять вагончиков, чем-то напоминающих наши трамваи, только без рельс. Удивительно то, что истерика не повторилась. Девушки, как будто замороженные, с восхищенными взглядами и отвисшими челюстями начали занимать места в вагонах. Я смотрела на все это с явным недоверием и неодобрением. Но когда осталась стоять одна посреди пустого зала, обреченно вздохнула и поплелась следом за всеми.

Возле каждого вагона стояли мужчины, премило улыбаясь и помогая забраться внутрь. Как будто подняться по двум ступеням самостоятельно – что-то нереальное.

Послав одному такому помощнику недовольный взгляд, я взбежала по ступенькам и быстро осмотрелась. Обстановка внутри напоминала вагоны поездов первого класса двадцатого века, как часто показывают в фильмах. Я заняла единственное свободное место у окна в последнем ряду.

Только попыталась расслабиться, как знакомый ангельский голос зазвучал словно из динамиков.

– Еще раз здравствуйте! – с непонятным мне восторгом оповестил Эринс. – Итак, продолжим знакомство с королевством. Вы находитесь в западной части Лахуса. Ближайший город в сорока километрах от академии, так что вас никто не побеспокоит во время вашего обучения. На десятки километров вокруг только горы, холмы и равнины. Есть также волшебное озеро, куда я попрошу вас не ходить без сопровождения. Никогда!

Нет, удивительно просто. Почему все такие спокойные? Ну точно как под гипнозом. А чего тогда на меня он не действует? Правильно! Я ведь не беременна!

– Вы наверняка заметили, что я обозначил расстояние, используя понятную для вас меру длины, – продолжил Эринс. – И удивлены, что понимаете меня. Ответ прост: те избранные лахи, которым выпал шанс выбрать себе невесту, обязаны изучить ваш язык и культуру. И только после этого им разрешается приходить в ваши сны.

И тут я, машинально кивающая и с любопытством рассматривающая вид из окна, застыла. Чего-о-о?

– Как происходит процесс зачатия во сне и почему лахи выбрали именно русских девушек, вам детально объяснят в академии, – заверил Эринс.

Мать моя женщина...

– А сейчас для вашего блага в каретах включится распылитель, и все вы погрузитесь в состояние приятной расслабляющей дремоты. Таким образом, поездка пройдет для вас максимально комфортно.

То есть еще и спать во сне? И зачатие во сне... Если честно, это уже совершенно не смешно. Бред! Бред! Бред сивой кобылы. И как назло пожаловаться некому. Все девушки вокруг действительно заснули.

Одна я держалась до последнего, но в конечном итоге тоже задремала. Разбудил нас тот же голос из динамиков:

– Вот мы и на месте, дорогие эсмины. Добро пожаловать домой! Вашему организму потребуется несколько суток на то, чтобы перестроиться на новый часовой режим. На Лахусе двадцать часов в сутках, и сейчас шесть часов вечера. Сразу после ужина вас поприветствует ректор и главный смотритель академии – эсмин Вальд. Обратите внимание, что обращаться к нему можно только так. Ни в коем случае не «тыкайте» ректору и не зовите «эй, мужчина» или «молодой человек».

– А что он – не мужчина, что ли? – хихикнула сидящая передо мной девушка. Вроде все и расшевелились, а остались поразительно спокойными. Ну не бывает так в реальности! И Эринс каким-то образом услышал вопрос...

– Мужчина, – ответил он. – Но не совсем человек. И уж точно не молодой в вашем понимании. Жизнь на Лахусе протекает немного иначе. Но об этом мы тоже поговорим на занятиях. А сейчас прошу неторопливо подойти к ступеням, провожатые помогут вам спуститься. Свои вещи оставьте, пожалуйста, на сидениях. Их позже перенесут в ваши спальни.

Так и хотелось закатить глаза от этой чрезмерной заботы. Трамвайчик действительно остановился. А в окошке открылся вид на небольшое озеро изумительного бирюзового цвета. Дайте угадаю! Там и русалки водятся?

Пока девушки выходили, толпясь, шипя и толкаясь, я высунула голову из окна в попытке рассмотреть больше. Мы подъехали к самому замку. Он выглядел еще больше, чем показалось на первый взгляд. Точно как из диснеевских мультфильмов – с высокими башнями и узкими вертикальными окнами. Видимо, он и есть та самая непонятная академия для залетевших невест. Надо же такому присниться. Интересно, что на это скажет мой психолог? Что я уже и к материнству готова в свои двадцать два? Вот не думаю!

– Валерия! – воскликнул Эринс, от чего я подпрыгнула. Опять я последняя. – Выходи.

– А вы нас всех по имени помните? – язвительно спросила я, глядя в потолок, откуда исходил звук.

– Всех.

– Ну-ну! И сколько же нас, таких счастливых любимиц судьбы?

– В этом году должно быть сто, – ответил лах в кимоно, и на этот раз голос прозвучал с другой стороны и даже обычно, без «ангельского» эффекта. Эринс поднялся по ступенькам и, протянув мне руку, дежурно улыбнулся. – Идем, Валерия. Нас ждут.

– Понимаете, я хочу домой, – заныла я. – Мне завтра рано на работу вставать, у меня шеф козел. Знаете, как оно бывает? Я ведь только-только универ закончила, еле эту работу нашла. Если меня выгонят, то куда я пойду? На что жить буду? Мамка меня обратно в деревню заберет. А я в большом городе жить хочу! Мне эти ваши сны вот сейчас совсем не к месту!

Вывалив все на бедного мужчину, я уставилась на него умоляющими глазками и даже сложила ладони в мольбе.

– Валерия, – устало проговорил Эринс, – твой босс под гипнозом. Твоя мамка тоже. Все твои знакомые убеждены, что ты уехала в другую страну в длительную командировку. Через год ты сможешь навестить родных. Но об этом тоже позже. Идем, тебя другие эсминуны ждут. А им нервничать нельзя.

Я пристально осмотрела мужчину. Не проняло. И все равно как-то жаль его.

– А вы все восемь месяцев с сотней беременных возитесь будете?

Эринс послал мне обреченный взгляд и кивнул.

– И кто ж вас так невзлюбил-то? Сочувствую.

– Спасибо, – от души поблагодарил лах и пропустил меня, когда я отказалась принимать его руку.

– Я, кстати, не беременная, так что на одну меньше, – поведала я, спускаясь. – Ну ладно, хоть во сне поем. Ведите!

Эринс вздохнул, но ничего больше говорить не стал. Он вышел вперед толпы беременных сонных девиц и жестом указал на огромную деревянную дверь замка.

И все опять молча шли стадом, восхищенно рассматривая богатый интерьер. Здесь и красная ковровая дорожка была, и свисающие с высоких потолков хрустальные люстры через каждые три метра, и картины в золотых рамах. В общем, антураж на пятерочку, но все равно беспредел.

Хорошо, что идти долго не пришлось. Ковровая дорожка привела нас к столь же огромной двустворчатой двери, только уже распахнутой. Из нее открывался вид на огромный зал-столовую. Три ряда столов, роскошные кресла с красной бархатной обивкой. А перед каждым, в торце, стояли такие же кресла, только синие. Нет, ну поражаться действительно было чему. Особенно разнообразию и изобилию блюд.

– Прошу всех к столу! – объявил Эринс. – Не забудьте протереть руки антибактериальными салфетками.

Я фыркнула и пошла садиться. Было у меня подозрение, что синие кресла предназначались надзирателям. Следовательно, сев рядом, я смогу поговорить с местным жителем и договориться о пробуждении. Эринс оказался непробивным. Вот только в торце первого стола места возле синих кресел быстро заняли такие же умные, как и я. Но я успела за второй. Уселась и поймала взглядом знакомую рыженькую. Она, напротив, пыталась сесть куда-то подальше, но эсмин Эринс поймал ее за локоть и повел к краю третьего стола.

– Синие кресла прошу не занимать! – выкрикнул он и усадил рыженькую на красное прямо возле синего. Она была очень напряженной, метала дикие взгляды в этого лаха, но не проронила ни слова.

А вот я была на грани взрыва. Особенно бесило, что спустя каких-то две минуты все наконец уселись и начали молча и цивилизованно есть. Как вообще ни в чем не бывало.

Эринс, пожелав приятного аппетита, продолжил наблюдать за всеми стоя. А потом вдруг заявил:

– Сегодня к нам пожаловал особый гость, который имеет высокий статус на Лаксе и занимается вопросами иных миров. Понятными для вас словами – министр иностранных дел – эсмин Эльдеон. Сейчас ректор проводит для него экскурсию, и вскоре они оба присоединятся к нам. Прошу вас вести себя культурно и не вызываясь, а также не забрасывать нашего уважаемого гостя вопросами. Преподаватели академии обязательно ответят на них позже.

И что девицы? Просто покивали и продолжили есть. Кто вареников себе полную миску накидал, кто селедки с картошечкой. Прямо национальная русская кухня... Я вот ковырнула вилкой сыр и машинально забросила в рот, прислушиваясь к своим ощущениям. Только не припомнилось, чтобы хоть раз так ярко чувствовала вкус во сне. Посмотрела на сыр, понюхала, откусила еще. Настоящий!

Глянула на девушку рядышком, пощипала за руку. Она ее отдернула и неприветливо на меня уставилась. Тоже настоящая.

Все! Меня прорвало.

Со звоном бросила вилку, встала и громко спросила:

– Девочки! А вас вообще ничего не смущает?

На меня посмотрели, как на дурочку и продолжили есть. Даже та, которая совсем недавно тоже возмущалась и про беременность спрашивала. А теперь нормально, сидит себе, уплетает холодец.

– Девочки! Да если это вправду не сон, то тогда получается, что нас похитили!

– Валерия! – с укором произнес Эринс.

Я отмахнулась от него и посмотрела на девушек. Кажется, некоторые задумались.

– Нет, вы понимаете, что происходит? Получается, вас эти инопланетяне обрюхатили во сне, выкрали посреди ночи с вашей кровати, а родственникам наплели, что вы в командировку уехали. И все! Пропали мы. Кто нас искать теперь будет?

– Ну зачем же так утрировать? – начал было Эринс, но тут за другим столом вскочила полненькая брюнетка и тоже швырнула вилку на тарелку.

– А ведь она права! – воскликнула она. – Девочки, да нас тут реально за лохушек держат.

– Ни в коем случае, милые эсмины... – заверил Эринс.

– Не слушайте его! – выкрикнула я. – Закройте уши. У него голос гипнотический! И вы все под гипнозом!

– Девчонки! Шумим! – заорал еще кто-то.

Ох, какой поднялся визг! Я закрыла уши и тоже завизжала на всякий случай. Кто-то застучал тарелкой по столу, кто-то громко запел. Эринс, видимо, потеряв терпение начал что-то орать. Но к нему подбежала рыженькая и размазала по симпатичному лицу лаха пирог. Он замолчал. Собственно, на секундочку все замолчали. И повисла очень напряженная, нехорошая такая тишина.

А спустя мгновение та, которая про беременных спрашивала, как заорет:

– Бежим!

Ну а кому в такой ситуации нужно повторять дважды? Девушки толпой бросились к распахнутой двери, оставляя после себя эффект торнадо. Эринс был в шоке. Смотрел на все это и не мог даже слова вымолвить.

Рыженькая от него медленно попятилась, заметила меня и подняла большой палец вверх. Но затем ее взгляд метнулся к двери, а глаза заметно округлись. Посмотрев туда же, я поняла, чему удивляться. Проход заблокировали два огромных лаха. В их руках были какие-то странные светящиеся шары, только вовсе не синие, а белые. И самое страшное, что девушки, смотря на этот свет, начали успокаиваться. Опять.

Я и сама с трудом отвела взгляд, когда заметила краем глаза резкое движение красного пятна. Рыженькая сиганула под стол. И я, недолго думая, сделала то же самое, только залезла под тот, что был ко мне ближе.

Спряталась и застыла, прислушиваясь к каждому шороху. Долго, правда, прислушиваться не пришлось. В зале прозвучал настолько громкий хлопок, что у меня заложило уши. Из укрытия видно не было, что происходит, но моментально возникли странные ощущения. Как будто наизнанку выворачивает, а грудь так сжимает, что тяжело дышать. Жутко, в общем. Вот точно так, как когда ко мне этот нахал с тату дракона приходил.

– Эсмин Эринс? – послышался низкий властный голос. Меня от него бросило в дрожь, и волоски на коже вздыбились как от холода. – Кажется, ужин вышел из-под контроля?

– К сожалению, да, эсмин Вальд, – ответил Эринс. И добавил: – Думаю, с эсминами Кристиной и Валерией нужно провести очень тщательную воспитательную работу.

Вот ведь... Стукач!

– Не возражаю, – преспокойно, но пугающе ответил ректор. – И где они?

Я слегка высунула голову и увидела совсем рядом с синим креслом две пары ног, прикрытых кимоно – зеленым и белым. Один из них точно ректор. Второй, вероятно, особый гость. Но в любом случае это двойная беда.

– Под столами, как я полагаю, – выдал Эринс с ходу. Ох, у нас таких не любят...

Я отползла подальше как раз в тот момент, когда ноги приблизились к столу, а их владельцы одновременно начали приседать. Сердце было готово вырваться из груди. Только непонятно, откуда взялся этот бешеный страх, когда еще минуту назад я была настроена очень даже воинственно.

Золотистая скатерть приподнялась, и на меня уставились две пары жутких глаз. Под столом ведь было темно, а они отсвечивали, как у животных ночью. И я вскрикнула, начав отползать подальше.

– Валерия, не бойся, – произнес требовательно один.

– Мы тебя не очень больно пытать будем, – добавил второй, явно издеваясь. И первый даже послал ему неодобрительный взгляд. А потом еще и руку мне протянул.

– Ты в безопасности, выходи.

Собравшись и подумав, что сидеть под столом непродуктивно, я поняла, что это и есть мой шанс поговорить с начальством.

– Я домой хочу! Я вообще не беременна!

И тут второй, который пытками грозил, ударился головой о стол и зашипел:

– Как не беременна?

Глава 3

Нет, ну он смешной! Как не беременна? Да запросто.

– Плохо старался ваш лах, – выдала я, и тут об стол ударился второй. А потом коротко рыкнул (явно на меня), и они оба выползли. Даже по ногам я поняла, что лахи в бешенстве. Нет, ну а что такого?

– Ну бывает, – пояснила я, пытаясь сгладить ситуацию. – Не у всех же с первого раза получается – опыт и сноровка нужны. А тот, который ко мне приходил, вообще псих какой-то с садистскими наклонностями. Хотя, может, у вас все тут такие. В любом случае оно к лучшему. Не беременна – и ладно. Домой меня отправьте, я ничего никому не скажу.

А сама представила крупномасштабную операцию по спасению почти сотни пропавших девушек с отличительными признаками – родимыми пятнами. В полицию позвоню, на телеканалы, в министерство обороны, президенту тоже, наверное, надо бы...

– Валерия, – промурлыкал один из них. Лица я, понятно, не видела, но по тону сразу ясно, что ничего хорошего меня не ждет. – Так бывает, что некоторые эмины не сразу открывают свой разум для осознания новой жизни. Чаще всего это случается с теми женщинами, у которых в принципе мозги работают не так, как надо.

Не поняла! Напряглась. И даже из-под стола выползла. Совсем не поняла!

– Это что, вы меня сейчас глупой обозвали?

Сложила руки на груди и повнимательнее осмотрела сначала одного, затем второго. Поразительно, насколько они похожи. Я бы даже подумала, что братья. Рост один, цвет волос и кожи тоже. Даже глаза – и те синие-синие, глубокого цвета, как будто небо во время бури. Судя по всему, и голоса по тембру схожие, когда они над столом говорили, я так и не поняла «ху из ху». Да, собственно, и до сих пор не понимаю. Но долго в глаза мужчинам смотреть не получилось при всей моей воинственности. Выше меня на голову, слишком огромные, мощные и... страшные, да. Не на лица (на лица оба вроде ничего), а по ощущениям. И опять сердце заколотилось как ненормальное. Я даже назад посмотрела, ища поддержку у других девушек. И вскрикнула, когда поняла, что они все застыли. Их буквально заморозили!

– А детям это не навредит? – спросила я совсем потерянно.

– Нет, – ответил сухо мужик в зеленом кимоно.

Я кивнула. Схватила за спинку кресла, так как уже ноги начали подрагивать, а потом и села в него. Лахи остались стоять, нагнетая обстановку еще больше.

– А со мной что делать будем? – спросила я. Хотя надо было не спрашивать, а требовать.

– Вы ведь сами сказали, что я глупенькая. К тому же ничуть не беременная. Значит, меня домой, да?

Мужчины переглянулись. Один даже улыбнулся как-то нехорошо, только краешком губ, но я заметила.

– Валерия, – начал лах в белом. Он обошел меня и сел прямо на столешницу. Я пугливо глянула на зеленого и на всякий случай посмотрела на Эринса. Он стукач, но ведь уверял же, что мы все здесь в безопасности.

Эринс нашелся уже в дверях. И рыженькая с ним, жалобно смотрит на меня и пятится следом за нашим провожатым.

– Ты беременна, – меж тем продолжил зеленый. И, главное, так уверенно, будто сам участвовал в процессе.

– Нет! – объявила я. – Я точно знаю.

И тут с другой стороны и тоже прямо на столешницу уселся белый и объявил:

– Да! А если нет, то мы это сейчас же исправим.

И такая многообещающая улыбочка, что прямо давление поднялось. Глянула на зеленого – тоже ухмыляется.

– Так! – воскликнула я и ударила по столу. Потом отодвинулась, встала и начала ходить туда-сюда вдоль кресел. Думай! Думай, Лерочка!

– Слушайте, так не бывает, чтобы сразу два плохих полицейских было. Кто тут у вас главный?

– Эсмир Эльдеон, – ответил лах в белом.

– Это вы? – уточнила я.

– Это я, – ответил зеленый. Запутать меня хотели, ишь какие! Значит, в белом таки ректор академии.

Я посмотрела на одного, запомнила, потом во второго, тоже запомнила. Была у них пара различий помимо наряда. У ректора родинка на скуле, а у министра скулы пошире, брови гуще, губы побольше. А так – одно лицо.

– А еще главнее кто? С королем можно пообщаться?

Оба сразу заметно собрались и улыбаться перестали. Потом переглянулись, и ректор, соскочив со столешницы, уставился на меня взглядом инквизитора.

– Куда? – не поняла я, когда он схватил меня под локоть и повел прочь из зала.

– Ужин окончен, – угрюмо оповестил он. – Перейдем к воспитательному процессу.

Ой-ей... Звучало плохо. Ощущалось еще хуже. Ноги не шли, сердце гулко колотилось.

Министр остался в зале, видимо для того, чтобы девочек разморозить. Хотя я чувствовала его тяжелый взгляд. И шла молча, хотя на языке крутился протест. Но спорить сейчас бесполезно, нужно выяснить, куда меня приведут и что скажут.

Оказалось – в кабинет. Судя по роскошной обстановке, это был его, ректорский кабинет. Эсмин Вальд мягко, но настойчиво усадил меня в кресло, взялся за подлокотники и потащил к столу. Я попыталась слиться со спинкой – слишком близко было ректорское лицо. Наконец он оставил кресло в покое и уселся сам – опять на столешницу. Да что же у них за манеры такие? Все время голову задираТЬ надо...

– Итак, почему ты думаешь, что не беременна? – строго спросил он, сложив руки на груди.

– Потому что у меня никогда не было мужчины, – с вызовом произнесла я. Обычно я этой информацией стеснялась делиться, все же слишком личное, да и стыдно уже в моем-то возрасте... Но в данной ситуации это единственный способ все выяснить. – Следовательно, забеременеть я не могла.

Ректор сощурился, и в этот момент в кабинет вошел министр. А я невольно издала обреченный стон. С одним я еще бы могла справиться, но с двумя...

Министр, слава всевышнему, не стал торчать надо мной, а сел в кресло рядом.

– Валерия... – начал спокойно, но почему-то казалось, что он медленно закипает.

– А можно Лера? Не люблю свое полное имя.

– Сокращать имена женщинам у нас имеют право только любовники. Так что пока Валерия, – ответил Эльдеон. И это его «пока» мне очень не понравилось. Я от таких намеков точно беременной стану. – Ты не попала бы сюда, если бы не была беременна. Призывная магия только так и работает. В тебе должна быть частичка лаха, иначе портал для тебя не откроется.

– Все верно, – подтвердил ректор Вальд. – Один из сотни избранных в этом году оставил в тебе часть себя. Мы называем этот процесс «эроус». То есть магическое оплодотворение. И для этого не обязательно быть... опытной. Все происходит во сне. У тебя ведь были подобного характера сны?

И ректор вздернул брови, послав мне насмешливый взгляд. Но ведь с боссом... Не считается ведь?

Я сглотнула комок в горле и посмотрела на министра. Он изучал меня нечитабельным взглядом: то ли ему жаль меня, то ли не рад меня видеть – не понять. Но неловко.

И доводы неубедительные.

– А разве я бы не чувствовала хоть что-то? Симптомы там всякие – у меня их нет!

– Не всегда они чувствуются, – пояснил ректор.

– Это вы по личному опыту знаете? – съязвила я.

Он снова сощурился и перевел жесткий взгляд на министра.

– Проверь, – ответил тот. Одно слово, а мне уже совсем плохо стало. Я даже ноги в кресле поджала и вцепилась в подлокотники, всем видом давая понять, что осматривать не дамся. Совсем с ума сошли в этой своей Лахундрии!

Но ректора моя реакция только взбодрила. Точно извращенец какой-то. У меня даже мысль страшная промелькнула.

– А вы случайно драконами не увлекаетесь? – спросила я, наблюдая за тем, как он обходит стол и начинает рыться в ящиках. Ректор застыл и послал мне такой испепеляющий взгляд, что я вжалась в кресло еще больше. Кажется, нет! Не увлекается.

– Драконы у нас не водятся, – отрезал министр. – Мы ими детишек и непослушных жен пугаем.

Ящик стола с шумом захлопнулся, и директор выпрямился, окинув меня очередным садистским взглядом – теперь предвкушающим.

– Нашел! – подытожил он, а в его руке я увидела веревку. Охнула. И еще раз внимательно присмотрелась к этому лаху.

– Эсмин Вальд, а вы случаем не один из этих ста? – неуверенно спросила я.

Он напрягся максимально и сжал челюсти, явно недовольный ни вопросом, ни ответом. Опять сел на стол и требовательно протянул ладонь.

– Руку!

– А может, еще и ногу? – съязвила я. Вот он мне сразу не понравился, и ничего не могу с собой поделать.

– Можно и ногу, – меланхолично ответил министр. Он наблюдал за нами со своего кресла, подперев голову рукой. – Можем даже всю связать, засунуть кляп в рот и бросить в башню. Мы вообще много чего можем. Все зависит от твоих предпочтений, Валерия.

И бровью повел.

А я, не отрывая от него взгляда и медленно протягивая руку ректору, подумала, что министр мне тоже страх как не нравится. И вообще, ужасно у них тут. Какие-то эти лахи совсем обнаглели и одичавшие.

Вальд накинул веревку на мое запястье и начал затягивать замысловатый узел. Не просто бантик, а целое хитросплетение. Один раз даже запнулся, что-то тихо пробормотал себе под нос и начал сначала. А когда все же закончил, мою руку не отпустил, сжал ладонь, как в приветствии, и опять забормотал. Если честно, очень похоже на немецкий. Такой же гавкающий на слух язык. Но как я ни прислушивалась, ни слова не поняла. А скоро и прислушиваться перестала – мое внимание привлекла веревка. Она вдруг начала нагреваться и поблескивать. На белых нитях появилось голубоватое пятно, которое все росло и росло, распространяясь вдоль и окрашивая нити. Ощущения странные, но не болезненные. Мы с министром замерли, только он, вероятно, знал, чего ожидать, а я даже не представляла.

Наконец ректор перестал бормотать, и некоторое время в кабинете стояла полная тишина. Пока министр не разбавил ее громким и пылким ругательством. Причем явно по-лахусски, но я все равно по интонации догадалась.

А веревочка-то синей до конца так и не стала. И я расплылась в победной улыбке.

– Не беременна! – подытожила торжественно. А то чего бы еще эти двое сверлили меня такими страшными-престрашными взглядами?

Ректор, развязав узел и отпустив мою руку, вдруг натянуто и вовсе неискренне улыбнулся и аккуратно начал:

– Валерия!

– Да-да, – протянула я, расслабленно устроившись в кресле и сложив руки в замок. Предвкусывала извинения и щедрую компенсацию. В идеале, конечно, и компенсацию получить, и девочек из неволи выволочить. Но это уже потом, дома.

– По непонятным мне причинам, – продолжил Вальд теребя в пальцах веревку, – произошла небольшая заминка.

Он вернул веревку обратно в ящик и наконец сел в свое кресло.

– В смысле, заминка? – не поняла я.

– Заминка с твоим оплодотворением, – ответили мне. Вообще хамы, да? То есть, не ошибка, а заминка? Это как понимать? – Но не волнуйся, все поправимо!

Министр издал странный звук, и когда я к нему повернулась, тоже натянуто улыбнулся.

– Валерия, не могла бы ты оставить нас наедине на пару минут? Подождешь в коридоре?

– А вы в это время какой-нибудь коварный план придумаете? – заворчала я, но все же встала. Может, им и в самом деле надо время, чтобы прийти к правильному решению. – Учтите, пожалуйста, то, что я замуж не хочу и к материнству совершенно не готова. И вообще мне еще хотелось бы познать радости сексуальной жизни.

И оба опять та-а-а-а-а страшно посмотрели, что я очень даже охотно пошла на выход.

Ректор последовал за мной. Открыл дверь, пропустил, кивком указал на диванчик у окна напротив и вернулся в кабинет. А я ощутила непривычный холодок по телу. Длилось это всего секундочку, и даже показалось, что ноги занемели, потому до окна я так и не дошла. Застыла в двух шагах от двери, прислушиваясь к странным ощущениям. А потом невольно стала и слушателем разговора лахов. Голоса у них басистые, а слух у меня хороший – не моя же вина!

– Я знаю, что ты сейчас скажешь, – кажется, это ректор.

– Потому что я, в отличие от тебя, знаю правила, – а это точно министр. – Ты ее оглушил?

– Оглушил и заморозил, – охотно ответил ректор. – По-максимуму, раз уж она не беременна.

Ага! Я расплылась в победной улыбке и даже показала двери неприличный жест. Потому что я права была! Я так и знала! Так и знала я! В общем, радости моей не было предела. Потому и слова ректора дошли не сразу. Как заморозил? Осмотрела свои руки – подвижные. Пальцы так вообще что вытворяют. Ноги – тоже все нормально. Тихонечко сделала несколько шагов к кабинету и наострила ушки.

– Тогда перейдем к делу, – объявил министр. Или ректор. Кажется, я опять запуталась, но разговор в любом случае обещал быть увлекательным.

– Кто-то убедил его величество, что призывные невесты могут представлять опасность. Особенно землянки.

– Да, они поначалу строптивые...

– Строптивые? Это драконицы строптивые, а землянки неугомонные. И даже не пытайся уверять, что за восемь месяцев они становятся покладистыми, уступчивыми и не пытаются сбежать домой с ребенком! Это один случай из ста. И уж явно не касается этой...

Ну-ну!

– Согласен! Ситуация с Валерией вышла из-под контроля.

– Если король о ней узнает, мы оба попадем в немилость. Опять! С меня достаточно проколов.

– Вот только давай не будем мыслить пессимистично! У нас есть проблема, да. Но и способ решения есть.

– Есть! Вернуть ее обратно.

Я улыбнулась и кивнула. Правильно!

– Стереть память, конечно, а потом вернуть.

Насупилась. Это получается, ни компенсации, ни девочек спасти? Ну как-то не очень...

– Ты хоть раз стирал женскую память? Я – да! И скажу я тебе, стирается не то, что было в последние несколько часов, а все то, о чем они в принципе думали. То есть велика вероятность, что она потеряет девяносто процентов своей памяти без возможности восстановления.

Так! Нет, ну совсем уже фигня какая-то. Что же, я даже маму родную не вспомню?

– Если ты хочешь покалечить женщину – вперед! Посмотрим, что на это скажет его величество.

Наступила гнетущая тишина. А потом зловещее:

– Это угроза?

Я уже совсем не понимала, что говорит ректор, а что – министр. Но один из них точно хотел от меня избавиться. А второй хотел оставить. В данном случае и не поймешь, кто же добрый, а кто злой полицейский.

– Это просьба. Сейчас самое время напомнить, что ты мне задолжал.

– Это несопоставимо! – рыкнул второй в ответ. – Ты хочешь, чтобы я покрывал этот беспредел? А об академии ты подумал? Ее уж точно закроют, если все всплывет.

– Если закроют, опять встанет вопрос о поиске подходящих невест, и его решение затянется на десятилетия. Потому я хочу все уладить по-тихому. Если мы доложим о ней, это только подтвердит теорию о том, что землянки – проблема. Нам нужно оставить ее, найти ее лаха и повторить оплодотворение. Повторять до бесконечности, пока она не забеременеет.

Охренеть!

Второй издал страшный звук. То ли страдальческий стон, то ли злой рык, а может, и все вместе.

– И как ты собираешься его искать? Забрасывать письмами каждого лично и выпрашивать конфиденциальную информацию? Они не признаются, как зовут невесту, не назовут отличительные черты. К тому же она не единственная Валерия.

– Но согласись, самая запоминающаяся.

Я хмыкнула и сложила руки на груди. И повисла подозрительная тишина. Ну! А дальше?

Дверь резко распахнулась, и на пороге возник министр. Сцепив челюсти, он окинул непристывшим взглядом всю застывшую и ошеломленную меня и резко захлопнул дверь. Да так сильно, что я вскрикнула от неожиданности и громкого звука.

– Это издевательство! – заорал он.

Дверь опять открылась, и на этот раз я увидела ректора. Он смерил меня приблизительно таким же взглядом и втянул в кабинет за локоть.

– Валерия, – начал он торжественно. – Боюсь, нам придется сотрудничать и дальше.

– Сотрудничать? – процедила я. – Это вы так называете насилие над женщиной? Боюсь, нам с вами придется перестраивать весь быт и в принципе менталитет Лахуса, если вы хотите, чтобы я осталась.

Глава 4

Я снова вжалась в кресло. Стр-р-рашные они!

– Ты сказал, что оглушил ее! – с укором крикнул министр. Нервный какой-то.

– Я так и сделал, – в тон ему процедил ректор и глянул на меня. Судя по лицу, пришел к какому-то умозаключению и спокойнее добавил: – Но она ведь не беременна.

Этих слов хватило и министру. На его лице тоже появилось то самое понимание ситуации, и он тихонечко выругался. Причем уже по-русски. А я не смогла скрыть улыбки.

– Память мне стирать не дело, – подытожила я. – Просто портал откройте, я домой вернусь и все на этом.

– Мы не открываем порталы, – ответил ректор скупно. Больше ничего пояснять не стал. Подумаешь! Я и сама напридумывать варианты могу.

– Может, тогда он для меня сам откроется, если я так и останусь небеременной? Нет? Ну тогда, может, мне король его откроет, если узнает, что я здесь против воли? А, погодите! Здесь же все против воли.

Мужчины, кажется, начали соревноваться в испепелении меня взглядами. Пока побеждал министр. От него вообще мурашило до холодка по спине. Но показать страх – значит потерять последний шанс на спасение.

Не боюсь я их. Ничего они мне не сделают. Не дамся!

Ректор резко шагнул ко мне, и я взвизгнула, вжавшись в бедное кресло максимально. А эта падла даже ухмыльнулась – так ему меня пугать понравилось.

– Всего лишь хочу предложить тебе помощь, – поведаль он и подал руку.

– Я в состоянии подняться сама, спасибо. А что, я уже куда-то иду?

– Идешь.

– И куда же?

– В спальню. – И опять нахальная ухмылочка. А у меня уже совсем никакого на них терпения не осталось. И нервы у меня ни к черту с этим месячным отчетом.

Встала, сжала пальцы в кулаки, с вызовом посмотрела на ректора и зашипела:

– Очень надеюсь, что в свою. И очень надеюсь, что эти грязные намеки о моем предстоящем насильственном оплодотворении наконец закончатся.

А после к министру обернулась и добавила не менее грозно:

– Сейчас взорвусь. Честное слово, я на грани. И тогда за себя не отвечаю.

Вот его вроде проняло. Ректора – нет. Он издевательски хмыкнул и обратился к Эльдеону, как будто меня в комнате не было:

– По большому счету нам не обязательно искать именно ее лаха. В этом деле любой сойдет. А потом все свалим на портал. Ошибка произошла. Бывает...

Я предупреждала?

– Слушай, ты! – зашипела я на этого противного лаха и ткнула в его каменную грудь пальцем. Потом ткнула еще раз и только собралась продолжить, как мою вторую руку схватил министр. И так резко отдернул от заметно удивленного ректора, что даже голова закружилась.

– Иди к остальным, я поговорю с ней.

– Уверен? – холодно спросил Вальд. Резкие изменения в тоне его голоса и поведении заставили меня напрячься. Заодно и указания Эринса вспомнились – о том, что ректору «тыкать» нельзя. В этом дело, что ли?

– Эйревальд! – грозно рыкнул министр, и эсмин Вальд не стал больше спорить. Только у двери бросил:

– Ее нужно держать под присмотром. В северной башне.

Министр кивнул. А как только двери закрылись, я окончательно осознала, что все это не сон и я не дома. Это пришло вместе с пониманием, что здесь я действительно беззащитная слабая женщина, а в руках у местных мужчин вся власть. И только от их настроения зависит – подать руку женщине или сломить ее.

Сглотнула застывший в горле ком, когда эсмин Эльдеон начал медленно оборачиваться. Все в его жестах вопило об опасности.

– Обращаться к мужчинам на «ты» имеет право только жена, – начал он тихо и зловеще.
– В интимной обстановке.

Я на всякий случай кивнула. Ну... хорошо. Понятно все.

– И обращаясь к лаху подобным образом, ты бросаешь ему вызов. А мы не такие, как ваши мужчины, Валерия. Мы принимаем приглашение буквально и незамедлительно. Особенно если женщина не обременена беременностью и очень уж желает в полной мере наслаждаться сексуальной жизнью.

Я опять кивнула. А потом подумала и отрицательно покачала головой.

– Не, я уже не хочу.

Сказала и уперлась в стену. Все это время министр крохотными шажками подкрадывался, а я отступала. Вот и доотступалась, что оказалась зажатой между ним и стеной.

– Уверена? Потому что эсмин Вальд еще не связан узами брака.

Даже не стала ничего на это отвечать. Все внимание было приковано к синим глазам. Кажется, гипноз на меня все-таки тоже действует.

– Так смотреть в глаза тоже не рекомендую, – поведаль он. И я тут же опустила взгляд в пол. А потом насупилась и опять жутко разозлилась. На «ты» не обращайся, в глаза не смотри, вообще помалкивай и «получай свое», так? Что это за мир такой? И почему из всех народностей Земли они выбрали именно русских женщин, которые в принципе никогда с такими порядками мириться не будут?!

– Очевидно, что ты попала сюда по ошибке, – продолжил Эльдеон и отступил на шаг. Даже дышать стало легче. – Но я не смогу вернуть тебя обратно, пока не пойму, каким образом ты здесь оказалась. Если эроус не состоялся, значит, есть что-то еще, что вызвало портал. И пока я не выясню, лучше тебе помалкивать.

– А когда выясните? – с надеждой спросила я. А потом вспомнила, что не спрашивать, а требовать надо. Потому что пострадавшая в этой ситуации я. – Пообещайте, что сделаете все возможное, чтобы меня вернуть!

Он напрягся и еще раз придиричиво меня оглядел. Ясно же, что я проблема. Министр тоже пришел к такому заключению, потому кивнул.

– Похоже на сделку, – озвучила я и несмело протянула руку. Ну, для скрепления. Эльдеон посмотрел на ладонь, но не пожал.

– Что помнишь о призванном? – спросил он.

Да, вот так я ему про татушку дракона сразу и сказала! Он его быстро найдет, и я окажусь в рядах «студенток» академии. Живешь себе скромненько, ходишь на работу, спишь по ночам, никого не трогаешь, а потом хоп – и мама! И даже замужем. И вообще в другом мире. Нет, спасибо.

– Ничего, – развела руками. Ну и так, чисто отомстить, сказала: – Только то, что он наглый нудный извращенец. Но судя по моим знакомым лахам, это как искать иглу в стоге сена.

Министр неодобрительно покачал головой и пригрозил:

– Не надо язвить.

– А что, тоже вызов? – совсем приуныла я. Как это – жить и не язвить?

Эсмин не ответил, подошел к двери и открыл ее, приглашая меня пройти. И я даже знала куда – в северную башню. Горестно вздохнула, но пошла. Договор же был.

Министр шел за мной, как надзиратель за тюремщицей, и ничего больше не спрашивал, не рассказывал. Лишь раздавал указания, куда сворачивать. Дорогу я так и не запомнила, уж слишком хитросплетенными оказались коридоры замка. «Чтоб не сбежали», – догадалась я. И еще додумала: «Золотая клетка для райских птишек».

Красивым был замок, точно как из сказки, но вместе с тем слишком вычурным, неудобным и чужим. А когда красная ковровая дорожка закончилась – еще и холодным.

Я поежилась и потеряла плечи, ступив на мраморную ступеньку ведущей вверх винтовой лестницы. Кажется, это и был вход в башню, здесь и освещения меньше, и температура воздуха значительно ниже.

За спиной послышалось невнятное ворчание, а спустя секунду на мое плечо легла горячая ладонь, отчего я вздрогнула. И охнуть не успела, как министр поднял меня на руки и при этом так зверски посмотрел, что спорить и возражать даже в голову не пришло. Я только скукожилась вся и, не поднимая на него глаз, вяленько обозначила:

– Я бы и сама дошла.

Он промолчал, только шаг ускорил.

– Я слабее вас, но не беспомощная же, – добавила еще тише. Просто обстановка была жуть какой неловкой, а он даже ни капли не старался ее разбавить.

Наконец лестница закончилась, Эльдеон толкнул ногой дверь и потопал дальше. Сделал всего шагов десять, не больше, и остановился у новой двери. Поставил меня на пол, открыл ручку и даже мягко протолкнул внутрь. Я только согреться успела, а он меня опять в холод.

– Завтра будет ковер, – быстро проговорил он над ухом.

Я мельком осмотрела комнату и развернулась, чтобы спросить, как долго они собираются меня здесь держать, но дверь захлопнулась прямо перед моим носом. Опять!

Сжав губы, я сдержала ругательство и потянула за ручку двери – заперто. Ну прекрасно! Меня повысили! Больше не невеста, теперь я пленница.

Вздыхнула, отогнала панику, взяла себя в руки. Где-то внутри еще тлела надежда, что я все же сплю, но после безжалостного пощипывания рук и боков я окончательно отбросила этот вариант. Бред стал моей новой реальностью, и сейчас только от меня зависит, как я ее приму – позитивно или негативно. Мыслить позитивно я привыкла, девушке с деревни в большом городе иначе не выжить. Поначалу всегда трудно вписаться в новую обстановку, а потом нормально, привыкаешь, выполняешь какие-то свои маленькие цели, приходишь к большим достижениям.

– Так, цель номер один – найти что-то режущее или колющее для самообороны, – пробормотала я и начала исследовать спальню.

Небольшая комната, чуть больше, чем в моей съемной квартирке. Но намного богаче обставлена. Массивная мебель из красного дерева, широкая кровать с балдахином, приличный шкаф, письменный стол, почти такой же крутой, как в кабинете ректора, и небольшой туалетный столик у окошка. Даже серый цвет стен ничуть не портит обстановку. И ковер, кстати, есть. Но все равно не мое, я минимализм люблю, и посветлее. А здесь освещение от одной только настольной лампы. В потолке еще и люстра, но выключатель я не нашла.

Первым делом обыскала ящика стола – пусто. Ни ручки, ни пера. Чем они тут пишут? В туалетном столике тоже ничего не обнаружилось, зато рядом висело зеркало, и я в который раз за ночь схватилась за сердце, испытав испуг.

– Мать моя... – протянула я в ужасе и медленно опустилась на пуфик. Ненавистное родимое пятно на половину лица потемнело настолько, что стало почти черным. Я все думала, что за двадцать два года успела привыкнуть к нему, полюбить себя такой, какой уж родилась, но сейчас все внутри так и переворачивалось от осознания своей несовершенности.

– Дура! – воскликнула я. – Тоналку надо было брать.

И неожиданно для себя самой разревелась. Так обидно за себя стало. Слишком многое свалилось на мою голову, и так сразу. Страшно, горько, непонятно ничего, а я ведь просто слабая неудовлетворенная женщина. И даже поесть ничего не успела...

Разревелась с новой силой. Но потом что-то в темном углу комнаты, в районе шкафа, застучало, и я застыла. Утерла слезы, шмыгнула носом и совсем напряглась. Встала с пуфика, взяла его в руки в качестве оружия и забилась в угол. Вот сейчас, судя по звукам, точно что-то должно выползти.

– Эсмин Вальд? – позвала я.

Кажется, он сильно разозлился на меня. Совсем зверем уходил.

– Сплюнь! Я это, – слышался чей-то совершенно незнакомый шепот. Я вскрикнула, когда створки шкафа распахнулись, и наружу показалась костлявая женская ручонка. А за ней и копна длинный волос. Рыженькая!

– Тише! Не выдавай меня, – шепотом попросила она и свалилась на пол. Хихикнула, перекатилась, встала, отряхнулась и выпрямила спину, уперев руки в поясницу. А живот при свете лампы у нее совсем большой. Жалко ее. Меня пока пронесло, а вот она точно попала.

Рыженькая быстро осмотрелась и удовлетворенно кивнула.

– Миленько здесь у тебя. У меня так же, только в зеркальном отражении.

Я зыркнула на шкаф.

– Да-да, я там в прошлый раз случайно в стене дыру сделала. – Она небрежно махнула рукой. – Эксперимент с шаром не удался, так шкафами закрыла. Чуть не родила, пока двигала.

Увидев весь отобразившийся на моем лице ужас, она тихо засмеялась и опять махнула рукой.

– Да шучу я! Это образно. Здесь такого не бывает. Никакой преждевременной беременности. Никаких несчастных случаев. Стопроцентная рождаемость совершенно здоровых лахов.

Она подошла ко мне поближе, присмотрелась и охнула.

– А ты чего? Ревешь? – поразились она и недоверчиво уточнила: – Ты?!

– А что, в себе, что ли, все копить?

Она покачала головой и показала пальцем на пуфик.

– Ну-ка, верни на место. Садись к зеркалу лицом. Так. Ну, гляди!

Она пригладила мои светлые волосы и улыбнулась в отражении.

– Страшилище, – вздохнула я.

– Это временно, – заявила моя гостья, начав расчесывать меня пальцами. – Я Кристина, кстати. Крис. Но при других сокращенно меня не называй.

– Знаю уже. А я тогда Валерия.

– Расскажи, что в кабинете ректора было? Конфетами угощали? Массаж ног делали?

Удивленно уставилась на Кристину – вроде не шутит.

– А массаж мозга считается?

Теперь и она вылупилась на меня своими огромными зелеными глазищами. Кстати, я сейчас заметила, что у нас с ней не только родимые пятна схожи, но и в целом типаж лица. Губы полные, нижняя больше верхней, лбы высокие, носы курносые с россыпью веснушек, как будто одного уродства мало... Только глаза у меня все же серо-голубые, а у нее прям ведьмовские. Хорошая с виду девочка, приятная. Но ее родимое пятно потемнело так же, как и мое.

– Хочешь сказать, они тебя прессинговали? Да ладно! – Она охнула и закрыла рот рукой, покосившись на двери. – Скоро мой по койкам всех разложит и вернется. Про лазейку никому – ясно?

Кивнула. Я вообще ее отпускать не хотела. Одной страшно, а Кристину еще и расспросить обо всем можно. И начала прямо сейчас.

– Что это вообще за место такое? Если ты не первый год, то у тебя уже ребенок есть? Ты его здесь оставила? А этот твой... это Эринс? Как ты его лицо узнала?

– Так, тише! – оборвала она и зарылась пальцами в мою голову, успокаивая нежными поглаживаниями. – Не паникуй только. Помню, у меня тоже так было. Стресс жуткий. Они первые недели три будут всех под гипнозом держать. Про историю Лахуса втирать начнут, короче, скуотища. Через месяц начнется освоение быта, традиций и законов. Уже поинтересней. Потом про местную флору и фауну рассказывать начнут, а со второго триместра и практические занятия пойдут – мое любимое. Вот тут советую внимательной быть, все слушать, внимания не привлекать, а профессорские припасы потихонечку, не особо наглея, приватизировать. Потом все пригодится.

– Еще бы.

Пока она шептала и что-то чудила с моими волосами, я немного расслабилась. Даже глаза на секундочку прикрыла, все же организм требовал сна.

– Самое главное эти подлецы все равно напоследок оставят, – заинтриговала Кристина.

– Что? – взбодрилась я.

Она вздохнула и перекинула через мое плечо увесистую широкую косу.

– Знаешь, как родители рассказывают детям, что ходили в магазин и там их покупали? Шутка такая, да? А вот на Лахусе все буквально. Они сначала нас, невест, выбирают, потом делают свои грязные делишки, а через девять месяцев получают заказ, так сказать. Ребенка с красным бантиком. Обмену и возврату не подлежит.

– Но это же варварство какое-то! – зашипела я и встала с пуфика. – Надо что-то делать. Как ты сбежала? Давай опять и вместе?

Она резко закрыла мне рот рукой и повернулась к двери. А за ней шаги. Кристина округлила глаза, подобрала юбку длинной ночнушки и побежала в шкаф. А я и вовсе замерла, чувствуя себя нашкодившей школьницей.

У двери кто-то остановился. Словно прислушивался. Я даже подумала в кровать с разгону завалиться, но ноги как будто приросли к полу, и сердце опять забилося от страха. Знакомое, кстати, чувство. По нему уже можно предсказывать явление посетителей. Но тот, который стоял за дверью, все не входил. Ждал чего-то. Я не шевелилась, даже не дышала. И Кристина уже перелезла к себе, оставив дверцу шкафа немного прикрытой. В нем все равно темно, ничего не видно.

Был бы хоть малейший шум, я бы и не услышала тихие шаги, отдаляющиеся от моей спальни. Но в воздухе висела зловещая тишина. И я вздохнула с каким-то облегчением. Только зря. Спустя секунду замок в моей двери провернулся, и на пороге показался не кто иной, как ректор Вальд. Приплыли!

Не отрывая взгляда от насупленного ректора, я нащупала сначала рукой туалетный столик, а потом слегка наклонилась и схватила пуфик. Спокойнее с ним.

– Просто хочу убедиться, что ты хорошо устроилась, – сказал он и так улыбнулся, как будто наступил ногой на гвоздь, но все равно должен улыбаться.

Я могла бы опять начать жаловаться, но ни взгляд ректора, ни тот факт, что мы с ним остались одни в комнате, ничуть не располагали к душевной беседе.

– И все? – с надеждой спросила я.

А он взял и закрыл дверь. Изнутри.

В этой игре я была мышкой. Мужчина напротив – голодным и оттого подлым котом. А пуфик – случайной жертвой.

– Поставь это. Он тяжелый, – приказал ректор и сделал шаг.

– И н-не подумаю, – отважно заявила я. И неожиданно для себя тоже сделала шаг. Оказаться зажатой между стеной и страшным мужчиной с гипнотическими глазами больше не

хотелось. Кстати, про глаза я сразу вспомнила и больше не смотрела. А потом и советом Кристины решила воспользоваться.

– Ректор Вальд, я это по незнанию к вам так обратилась, – прикинулась пайнкой. – Ничего личного.

– Правда? – спросил он с насмешкой. Кажется, не поверил. Подняла на него глаза и грозно добавила:

– Правда! Думаете, я горю желанием стать беременной лахушкой?

Он хмыкнул и покачал головой. А потом сложил руки за спиной и приблизился еще. Я начала двигаться параллельно, стараясь удерживать дистанцию. На первый взгляд он не обращал на меня внимания. Подошел к окну, встал ко мне спиной и какие-то секунды ничего не говорил.

– Наш мир не идеален, Валерия. Но и ваш тоже. У вас сотни стран, в каждом свой правитель, свои проблемы. Того, чего в избытке в одной стране, не хватает в другой. И такое чувство, будто, у правителей отсохнут языки, если они попробуют договориться о взаимовыгоде. На Лакхусе такого нет. Мы все живем и трудимся во всеобщее благо. У нас нет бедняков, бездомных, сирот и больных. Больные в принципе не рождаются, так как мы подпитываем исцеляющей энергией плод еще в чреве матери. Насилие над женщиной карается смертной казнью. Моментально – без суда и следствия. Жестокость по отношению к женщинам и детям в нас в принципе не заложена природой. Мы лучше ваших мужчин. А вам, земным женщинам, просто нужно время, чтобы узнать нас. И если тебе открылся портал, Валерия...

Ректор медленно обернулся, все еще держа руки за спиной, и внимательно посмотрел мне в глаза. На этот раз я устояла и не отвела взгляд.

– Значит, ты хотела новой и совершенно другой жизни. Даже если сейчас ты отрицаешь свое желание.

– Но я...

– Я пришел не спорить, а говорить, – оборвал он. – И тебя прошу послушать и подумать над тем, что я сказал.

Он ждал моего ответа, и я кивнула. Даже пуфик поставила и косу пригладила.

– Значит, сейчас никакого насилия не будет? – уточнила робко.

Ректор фыркнул, а потом отвернулся к окну, и его плечи начали подозрительно вздрагивать. Кажется, надо мной конкретно угорали. Нет, ну а что? В кабинете он меня пытался запугать, и у него вышло.

– Иди сюда, – позвал он. – Посмотри на свой первый на Лакхусе закат.

Покосившись на пуфик, я покусала губы и несмело пошла. Насилие пообещали отложить, а вот вид из окна интриговал. Я во всей этой своей панике и не успела в него заглянуть.

Поравнялась с ректором, поднялась на цыпочки, чтобы увидеть побольше и охнула. А солнца-то три!

– Кошма-а-ар! – объявила я.

Ректор улыбнулся. Я мельком на него посмотрела и снова в окно. На одну секундочку даже вспыхнула совершенно неуместная и противоречивая мысль, что здесь красиво. На Лакхусе этом. И мужчины у них тоже очень даже ничего. Но потом саму себя отругала и отвернулась от окна.

– И чего я там не видела? Горы с небом и у нас есть, – роворчала и пошла к кровати. Залезла под одеяло, отвернулась к стене, всем видом выражая нежелание продолжать разговор, и додумала: «А красивые мужчины, как показывает практика, все вредные и противные».

– Спокойной ночи, Валерия, – проговорил эсмин Вальд задумчиво. – Завтра будет новый день. Подъем в десять утра. С рассветом.

Обернулась, убедилась, что не ослышалась.

– В десять?

Его губы дрогнули в намеке на улыбку, и он кивнул.

– Говорю же, здесь не так и плохо. Тебе понравится.

Да щаз! Сказала бы я ему, и даже показала. Но надо быть паинькой, так что...

– И вам не хворать, – сказала, только чтоб ушел уже. А так, конечно, мысленно пожелала всех лахусских кошмаров.

Тихие шаги заставили меня напрячься, а вот со звуком закрываемой двери я наконец облегченно выдохнула. Ушел.

Я тут же вскочила с кровати и подбежала к шкафу. Залезла внутрь, нащупала в темноте дыру и только собралась позвать Кристину, как услышала ее тихий шепот:

– Я тебе сказала, больше с тобой разговаривать никогда не буду!

И тут же в ответ мужским голосом:

– Крисюш, давай без нервов.

– Не Крисюша я тебе! – зашипела она, заставляя меня зажать рот рукой. Кажется, я узнала Эринса. Он шикнул, после чего послышалось непонятное шуршание. За ним мычание.

– Ни разговаривать, ни тем более целоваться! – уже даже не стараясь шептать, предупредила Кристина.

– Это тебе за пирог.

Точно Эринс! И тут же снова мычание.

– А это я скучал.

– Да? А за побег как наказывать будешь?

– Через шесть месяцев узнаешь.

– Сделаешь мне третьего – сбегу навсегда!

И снова мычание. А за ним тихий стон явного поражения. Я дослушивать дальше не стала. Выползла из шкафа и уныло потопала к кровати. Кажется, только что рухнули мои надежды на побег. Я мало понимаю в любви, но эти двое, похоже, влипли.

Глава 5

Воздух, что ли, у них здесь особенный? Заснула моментально, а проснулась настолько свеженькой и бодрой, что самой не верилось. Часов в спальне не было, но за окном только пробился рассвет первого из солнц. Оно у них было слегка розоватого оттенка. Должно быть около десяти утра, как и говорил Вальд. Вид на горы с маленьким клочком озера и фиалковым полем так и просил улыбнуться. Но меня не радовал ни тот факт, что я проснулась все там же, ни собственное отражение в зеркале. Последнее вообще удручало. Пятно в свете дня оказалось темнее, чем когда-либо в моей жизни. Как будто его специально подкрасили. Но сколько я ни терла, бледнее оно не становилось.

Сразу вспомнились все издевки, еще с садика. Мама всегда говорила, что я особенная, и ангел оставил на мне свою метку. Ей виделось, что оно напоминает форму крыльев. Ну допустим! Пускай особенная. А нельзя было оставить метку где-то на щиколотке? На спине? Да хоть бы на попе. Нет же! Этот «ангел» буквально пометил меня, чтобы все видели, что я «особенная».

Прикрыла левую и нелюбимую сторону лица ладонью и представила, какой могла бы быть. Я делала так каждое утро, мечтая, как сложилась бы моя жизнь. Я была бы уверенней в себе, добилась бы большего. Возможно, встретила бы любовь...

В дверь постучали, и я резко обернулась, опять потянувшись к пуфику.

Правда, выдохнула с облегчением, когда послышался голос Эринса:

– Эсмина Валерия, я принес ваш набор вещей. Можно войти?

Пригладив выбившиеся из косы пряди, я поправила на себе пижамку и крикнула:

– Войдите!

Я не упустила проскользнувшее на лице лаха удивление, как только он увидел мое пятно. Правда, через секунду он скрыл эмоции дружелюбной улыбкой (как будто не сдавал меня вчера) и смело шагнул внутрь комнаты с большой плетеной корзиной в руках.

– Доброе утро, – поприветствовал Эринс, явно предовольный жизнью. С Кристинки, небось, вчера все соки выпил, и теперь радуется. Садист инопланетный. А вообще, я на него посмотрела по-другому. Вчера он мне казался терпеливым ангелом, но сегодня я не могла не отметить знакомые черты. Его волосы тоже были черными, кожа смуглой, лицо пропорциональным, будто выточенным. Он несомненно отличался от ректора и министра, но типаж у всех был один – синеглазые брюнеты. Очень глубокой ночью и спутать можно. Хотя нет, от того же ректора у меня желудок сжимается в спазмах, а с Эринсом ничего такого.

Любезничать я не стала из вредности. Дождалась, когда он поставит корзину на кровать, и напала с допросом:

– А дальше что? Вы меня здесь долго держать будете? Министр давал указания, что со мной делать? Я здесь сидеть вечно не собираюсь, так и знайте. И мне к косметологу очень надо. У вас косметолог здесь есть? Или кто-то, кто мне объяснит, почему родимое пятно стало таким? Вы явно что-то знаете, Эринс.

– Эсмин Эринс, – поправил он. – Или профессор Эринс. Женщины всегда обращаются к мужчинам на «вы» и никогда не зовут по имени. А имя рода принято называть только женам и лахам-друзьям.

– Оу, – протянула я понимающе. И тут же догнала остальное. Кристина – его жена. Должна быть, если у них уже есть первый ребенок. Пока я переваривала информацию и думала, как к ней относиться, Эринс взял корзину и понес ее к шкафу. Он, что же, и вещи за меня раскладывать будет? Шкаф!

– Стой-те! – крикнула я и подбежала к нему, пытаюсь отобрать корзину. Не дал. – А у нас считается дурным тоном, когда мужчина роется в женском белье.

Лах глянул на аккуратно сложенные стопочки и сломал мою систему обороны простым заявлением:

– Белья здесь и нет. Мы на Лахусе вообще не понимаем, зачем оно нужно. Только стесняет движения.

– А гигиена? – ужаснулась я, одновременно недоумевая оттого, в какое русло унесло наш и без того странный диалог.

– И с гигиеной у нас проблем нет, – заявили мне. – И ты скоро в этом убедишься.

Он окончательно вырвал корзину и поставил ее на пол, достав первую вещь. На вид ночнушка. Пошленькая такая, короткая, на тонких бретельках и полупрозрачная. Лах со всей серьезностью протянул ее мне и достал следующую шмотку. А вот это уже было похоже на платье. Ткань плотная, но не мнущаяся и стрейчевая, вырез и длина с виду тоже приличные. Одно подозрительно – белое, как у невесты. Собственно, вся одежда в корзине была исключительно белой. Вспомнила одеяние ректора, поморщилась.

– А почему тогда вы ко мне на «ты»? – спросила невпопад, лишь бы отвлечь его от шкафа. – У нас, если хочешь проявить уважение, ко всем на «вы», и к мужчинам, и к женщинам. Тем более мало знакомым.

Эринс тяжело вздохнул. Передал мне платье и отошел от корзины.

– Позволь напомнить, что ты больше не на Земле. И в это место попала именно для того, чтобы обучиться традициям и порядкам Лахуса. Уже сегодня ты получишь ответы на многие свои вопросы. А сейчас не стоит терять время. Бери эти вещи и следуй за мной.

Он достал еще небольшую коробку и маленький мешочек. В коробке оказались балетки. Черные, из неопознанного материала. Вроде каучука, но мягкого, как кожа. И все это легко растянулось, повторив форму моей стопы.

– Удобно, – удивилась я. А по ощущениям – будто ступил на облачко.

– Это тоже не забудь, – напомнил Эринс, кивнув на мешочек. А сам развернулся и пошел на выход. Схватив все добро, побежала следом и чуть не столкнулась в коридоре с Кристиной. Она тоже в своей ночнушке была – немного заспанная, беременная и улыбчивая. Платье в ее руках привлекло внимание – голубое, в цвет кимоно Эринса.

Пожелав мне доброго утра, она кивнула, и мы вместе последовали за лахом. Кстати, а ковер в коридоре уже был. Министр слов на ветер не бросает.

– А куда? – тихо спросила я Крис, когда мы начали спускаться по винтовой лестнице.

– В душ, – так же тихо ответила она.

– А он, – кивнула на Эринса, – с нами?

Кристина хихикнула и покачала головой.

– Он под дверью стоять будет и охранять.

И только мы свернули в незнакомый мне коридор, как из ближайшей двери вышел мужчина. Мы с Кристиной одновременно вскрикнули и отпрыгнули от него, а потом захохотали, прижавшись к стеночке. А лах-то почти голый! Одно крохотное полотенечко на бедрах, и то в обlipку.

– Эринс! – возмущенно позвал мужчина, резко шагнув назад и захлопнув дверь. Голос его звучал уже приглушенно, и нам с Крис почему-то стало еще смешнее. – Мог бы и предупредить, что Кристина в этом году опять будет.

– Мог бы и догадаться! – крикнул тот, недовольно на нас поглядывая.

А потом строго кивнул, и мы опять возобновили путь, давая смех.

– А вторая кто? – полюбопытствовал все тот же в полотенечке.

– На лекции познакомьтесь! – выкрикнула Кристина, а мне шепотом добавила: – Он религию преподает. Эсмир Карит. Противный очень, но тело сама ви...

Договорить она не успела, потому что Эринс обернулся и послал ей такой жуткий взгляд, что даже мне страшно стало. Но Кристина не растерялась вовсе. Гордо вскинув голову, прошла в ванную комнату, и я за ней. Мы обе вздрогнули, когда дверь за нами закрылась с пугающим грохотом, а потом опять засмеялись.

– И так будет каждое утро, – предупредила она. – В башне ванная одна на шесть спален. Но не в этом проблема, а в том, что кроме нас с тобой здесь одни лахи.

– На этаже? – уточнила я.

Кристина хмыкнула и пошла в одну из шести душевых кабинок. Точнее, там целые комнаты были, с лавками, полками, крючками для вещей и шторками.

– Во всей этой драной академии, – пояснила она и включила воду. – Все преподы – мужики. А нас с тобой в их башню поселили.

Все преподы... Белья не носят... Мама дорогая. Куда я все же попала? И ни на грамм меньше вопросов не стало.

– В мешочке щетка и брусок, – громко сообщила Кристина. – На вид мыло, но на деле магическая универсальная хрень. И действенная, зараза! Прыщики всякие, мелкие морщинки и даже растяжки моментально проходят. Кожа шелковистая и нежная, как у младенца. Реально! А еще это странно, но зубы ей тоже чистят.

Я поморщилась и достала брусок. Понюхала, покрутила в руке и тоже вошла в душевую. Пахло приятно – то ли яблоком, то ли грушей.

– Кристин? – позвала я, начав намыливаться.

– А?

– А Эринс, он... Ну... Вы вместе?

Она горестно вздохнула и пару секунд ничего не отвечала. Я уже подумала, что и не ответит, но Кристина все же вяло выдала:

– Да.

– Муж?

И опять печальный вздох.

– Типа. По лахусским законам. Но я их не признаю и не собираюсь.

– Ты ведь уже... Первый ребенок есть, так?

– Есть, – на этот раз она ответила незамедлительно. – С бабушкой сейчас. С мамой Эринса. Но я скоро с ним увижусь.

Я смыла густую зеленоватую пену и разгладила волосы.

– А как же ты тогда сбежала?

– Да не сбежала я, – хохотнула Кристина, только ничуть невесело. Она отключила воду, и я услышала шорох одежды. – Через два месяца после родов женам позволено навестить родственников. Я у мамы пару дней погостила и вернулась. А как не вернуться, когда маленький ждет? Они же, падлы эти, на материнском инстинкте играют. Куда ты уже денешься с подводной лодки? Ребенка не бросишь, развод здесь не предусмотрен. «Наслаждайся жизнью и получай удовольствие» – ты эту фразу часто слышать будешь. Я старалась, честное слово. Но это невозможно в обществе, где у женщин вообще нет никаких прав. Будто в средневековье попала.

Я тоже отключила воду, и на шторку моей душевой упало полотенце.

– Вот, держи.

– Спасибо.

Вытерлась и начала одеваться прямо там, в кабинке. Ночнушку первым делом, затем платье. А как только была готова, намотала на волосы тюрбан из полотенца и вышла к Кристине. Она смотрела в зеркало, расчесываясь. В моем мешочке расческа тоже была, и я встала рядом.

– А почему ты тогда здесь, со всеми? – спросила я и от возникшей догадки улыбнулась. – Второй курс?

Она захохотала и махнула на меня рукой.

– Скажешь тоже! Эрику, сынишке, недавно год исполнился. А лахи тебе не наши детки. Они в год разговаривают и рассуждают, как в три. Уже и оставлять с бабушкой не так страшно. Мама у меня заболела. Сильно. Рак.

– Сочувствую, – прошептала я. А Кристина только улыбнулась.

– А пронесло уже. Я к ней поехала с местным лекарством. Лахи вообще на травах помешаны. Я маме сбор лечебный привезла и осталась на три месяца, чтобы убедиться, что все в порядке будет. Эринсу со мной нельзя было. А он скучал, видите ли. Вот и приходил во снах.

Она хмыкнула и показала на свой живот. Мол, вот чем все закончилось.

– Доприходился! – подытожила я.

– Угу! А в этом году его назначили правой рукой ректора, и как же это молодая жена без присмотра останется? Так что да... У меня второй курс.

В дверь неприветливо постучали, и мы переглянулись в зеркале.

– А слух у них, кстати, хороший, – шепотом добавила она и сложила банные принадлежности в мешочек.

А когда открывала двери, добавила:

– И хорошо, что ты вчера бунт устроила. Тебя теперь, как особу непредсказуемую, ректор под присмотром поближе к себе держать будет. А мне не так скучно.

Я как раз хотела сказать, что держат меня по другой причине, но Эринс уже показался в поле зрения и вставил свое слово:

– Вы только по утрам видаться будете. – Действительно, стоял под дверью все это время, сторожил. – И в столовой. А там и других подруг найти можно. Более благоразумных.

Я не могла не отметить, что звучало это даже ни как упрек, а как самый настоящий приказ. Просто завуалированно, якобы в форме предложения или совета. Но уже по тону было ясно, что приказ. И по обреченному взгляду Кристины тоже.

– А с кем дружить, ты тоже не имеешь права выбирать? – спросила я шепотом, когда Эринс прилично отдалился.

Она только фыркнула и послала мне насмешливый взгляд.

– Конечно, – громче добавила явно не для моих ушей и подмигнула. – Мужа нужно слушать беспрекословно. Муж – глава семьи и самый уважаемый лах в жизни женщины. Но это вам на лекциях и так расскажут. Раз сто за занятие.

В столовую мы с Кристиной по настоятельной рекомендации Эринса шли в полном молчании. Только обменивались взглядами и насмешливыми улыбками, встречая очередную помпезную вещь на своем пути. То хрустальная люстра, свисающая едва ли не до пола, то замысловатая скульптура в виде какой-то капли с шипами, то картины почти во всю стену с невероятными пейзажами. Я невольно даже залюбовалась одной, где изображался пляж и замок вдали. Эдакое райское местечко.

Эринс остановился у дверей столовой и жестом предложил нам пройти внутрь. Ну мы и вошли. А там все те же три ряда столов, которые опять ломились от русских яств и за которыми сидели наши подруги по несчастью. И музыка. Такая умиротворенная, ласковая, я бы даже сказала ласкающая душу. Так и хотелось закрыть глаза и расплыться лужицей, впитывая в себя каждую нотку, каждый перезвон колокольчиков. Но я, естественно, устояла. Пробежалась быстрым взглядом по смиренным лицам присутствующих и наткнулась на одно строгое – ректора. Сидя во главе центрального стола в своем роскошном синем кресле, он смотрел прямо на меня. Станным-странным, голодным взглядом. Как волк смотрит на зайчика. И это при том, что у него в руке уже была вилка с наколотым блином.

Кристина прошла передо мной, сняв секундное наваждение. Глядя на нее, я поняла, что в полном зале женщин лишь у нее одной цветное платье. Все остальные в белом. Кроме Эринса и... Министр. Он тоже был здесь. Сидел за левым столом и смотрел на ректора. Буквально прожигал того взглядом. И тоже как волк смотрит на зайчика, только теперь зайчик – Вальд.

Я улыбнулась своим абсурдным мыслям и пошла за Крис, но Эринс меня остановил.

– Последнее свободное место за третьим столом, Валерия, – произнес он, крайне довольный сим фактом. Как же! Теперь его жена спасена от дурного влияния.

Взглядом выразив все, что думаю о его диктаторском режиме, я потопала к «столу министра». И, как назло, единственное свободное место было прямо возле него. Но что порадовало, на меня он и не глядел. Конечно, буравить взглядом ректора куда интереснее, чем смотреть на мою пятнистую физиономию.

– Доброе утро, – буркнула я первой, так как мама учила быть вежливой при любом раскладе.

Министр медленно повернулся ко мне и как будто на секунду застыл, остановив взгляд на моем родимом пятне. Так неловко было только вчера. По большому счету в его присутствии всегда неловко. Наверное, поэтому сидевшие за столом девушки ели тихо, глядя исключительно в свои тарелки.

У брюнетки напротив я заметила родимое пятно на руке чуть ниже локтя. Но темным, как мое, оно не было. А рядом с ней сидела еще одна милая девушка с маленьким пятнышком на ключице. И тоже совсем светлым. Нахмурилась и осмотрела остальных, даже немного привстала. Отметила и то, что у ни одной не было столь яркой метки, и то, что все вели себя слишком тихо. Неестественно. Да еще и музыка эта...

С прищуром посмотрела на министра. Он все еще изучал мое лицо.

– Вы их опять под гипнозом держите? – с укором спросила я.

Только сейчас лах отмер и отпил что-то из своей чашки. А после взял кувшин и наполнил этим чем-то и мою. Заботливый какой, угу.

– Какао, – оповестил он. – Из всех ваших горячих напитков я могу пить только его.

– Да? А я теперь должна пить то же, что и вы? – поинтересовалась я. И, честно, не собиралась звучать так язвительно. Просто он мне еще на предыдущий вопрос не ответил, а я такого не люблю.

– Да, – только и бросил он.

– «Да» – пить какао? Или «Да» – под гипнозом? – уточнила я.

– На все «да».

Уф! Ну и противный этот министр.

Какао я тоже любила. Но из принципа пить не стала и еду выбрала совсем не ту, что была в его тарелке. Потому что иметь выбор – это нормально. Жаль, что лахам это невдомек.

– Ну, раз вы сегодня такой сговорчивый... – опять съязвила я. Поймала его недовольный взгляд, вспомнила вчерашний разговор и все равно продолжила: – То, может быть, прольете мне свет на то, что с моим родимым пятном?

Мужчина закинул в рот кусочек оладьи и начал жевать, уставившись вперед. Полагаю, это отказ. Скорчив рожицу, я тоже принялась есть. Есть и перебирать варианты. Мама еще в детстве повела меня в онкоцентр, и там ее заверили, что никакой опасности нет. Переехав в большой город, я начала ходить по дерматологам, но все как один говорили, что врожденные плоские пятна не убираются. Ну я, естественно, им на слово не поверила. Пошла к косметологу, заплатила кучу бабок за дорогостоящую процедуру. И что в итоге? Через полгода гадость выползла снова. Поначалу бледной была, а где-то месяц назад стала такой, как прежде. Но все равно – не черной же!

– И как его теперь убрать? – задумчиво спросила я. На ответ вовсе не рассчитывала, потому даже немного вздрогнула, когда рядом послышался низкий голос:

– Есть несколько способов. Один тебе должен подойти.

– Правда? – с надеждой спросила я. Конечно, на чудо я уже и не надеялась, но Эльдеон говорил так уверенно...

Посмотрев на меня, он коротко кивнул и добавил:

– Сегодня после занятий попробуем.

Вроде бы невинная фраза, а у меня от нее возникли знакомые симптомы. Те самые, ужасные, душу-навыворот-выворачивающие.

Глава 6

При слове «академия» на ум первым делом приходят огромные лекционные залы со старыми разрисованными партами, обшарпанными и жутко твердыми сиденьями. При словах «магическая академия» всплывают картинки из Гарри Поттера, каменные стены, мрачные коридоры и тоже старые затасканные парты, тоже, кстати, разрисованные, только вместо неприличных слов проклятия.

Так вот, здесь такого не было! Никто бы мне даже на слово не поверил, скажи я, что меня зачислили в академию, где лекционный зал напоминает парламент какой-нибудь очень богатой страны. Каждое кресло оказалось оснащено массажерами и при желании даже раскладывалось в полулежачее положение. Сам зал был круглым, светлым, с огромными окнами с видом на горы и то самое опасное озеро. К слову, солнца в небе висело уже два.

– Надеюсь, все удобно расположились, – прозвучал голос ректора. Он прошел вдоль центрального ряда и остановился у широкого стола, который стоял перед остальными. За ним при желании могли уместиться около десяти преподавателей этой так называемой академии.

Эсмин Эринс и еще несколько пока незнакомых лахов ходили вдоль рядов, проверяя, все ли на местах. Никто не спорил, не толкался, не дрался за место. Какие вообще могут быть проблемы со стадом управляемых овец? Если только одна паршивая заведется.

А я не могла не возмущаться. Пока шла, пыталась растормошить пару девушек. Представлялась, вопросы задавала... Они будто меня не слышали, просто шли молча по коридору, как им и было велено. И это уже даже не напрягало. Это пугало. Особенно когда я увидела Кристину. Еще утром она шутила и была живой, а сейчас напоминала куклу с пустым взглядом. Эринс скотина! Как можно так с родной женой?

Когда он прошел мимо меня, я не удержалась и поставила ему подножку.

– Эсмир Эринс? – позвал его министр, каким-то непонятным образом оказавшись в проходе. Ногу пришлось быстро убрать во избежание несчастных случаев с участием меня, стены и министра. – Можно вас на пару минут?

Они оба отошли на шаг и начали шептаться. Прислушаться не получилось, потому что ректор уже выступил с речью, и голос его опять звучал так же странно, как тогда в белом зале. Как будто с эхо-эффектом.

– Эсмины! Я рад поприветствовать каждую из вас в академии имени Хеоны. И прямо сейчас мы проведем с вами первую лекцию. Вводный курс. Вам не понадобятся ручки и блокноты, просто внимательно слушайте мой голос. И вся информация закрепится в вашем сознании.

Я сложила руки на груди и фыркнула. Еще бы! А потом подумала и все же схватила со стола блокнот. Напротив каждой такой был. И ручки самые обычные, кстати, шариковые. Перья для антуража подошли бы больше.

– Вы уже знакомы с эсмином Эринсом, который является моим заместителем и смотрителем академии... – продолжил ректор. И пока он говорил о том же, что вчера успела сказать его правая рука, я отвлеклась на движение сбоку. Эринс зачем-то поднял сидящую возле меня девушку, повел ее к первому ряду и усадил на место Кристины. А свою беременную жену за руку отвел к преподавательскому столу. Сам сел рядом с Вальдом, а Кристинку пристроил на самом краю стола. Нет, это вообще что? Ему мало того, что он с ней сделал, так еще и преподавательницей устроил?

Все! Не могу! Не знаю, что буду делать, но не могу на это смотреть. Решительно собралась вставать, но на мое плечо легла рука. Сильная, мужская, даже догадываться не приходилось. Подняла голову – министр Эльдеон тут как тут. Кивнул мне на пустое место, а сам устроился на

мое у прохода и раскинул ноги, перекрывая мне выход. Мужики... Везде одинаковые, честное слово.

Я старалась не смотреть на его кимоно и не представлять, что у него под ним ничего нет. Я очень старалась. Так сильно, что пропустила реплику ректора, над которой все хором посмеялись.

– А смеяться вы им тоже приказываете? – спросила, не выдержав.

Сидевшая рядом со мной брюнетка неожиданно шикнула на меня и послала предупреждающий взгляд.

– Слушай! – посоветовала она. – Интересно же.

Я удивленно уставилась на Эльдеона, а он скупно улыбнулся и перевел взгляд на Вальда.

– Никто никому не приказывает, – произнес он тихо. – Контроль при передвижении необходим для такого количества хрупких и нежных женщин. Мы лишь хотим перестраховаться, иметь уверенность, что каждая из вас будет в безопасности. Вы важны.

Неожиданно сильное заявление. Тем более от Эльдеона. Я бы легко поверила, что он скажет что угодно, лишь бы войти в доверие, но именно сейчас сложилось впечатление, будто этот мужчина действительно верил в то, что говорил.

– Они не сопротивляются, потому что хотят быть здесь, – добавил он.

– Ну не все! Я сопротивляюсь. Я не хочу!

Министр, не отрывая взгляда от ректора, вдруг улыбнулся шире.

– Не хотела бы, портал бы не открылся.

Садюга!

– Почему он открылся, нам с вами еще предстоит выяснить, – напомнила я.

– Мне, – поправил он тут же, возвращаясь к привычному образу. – Выяснять буду я, а ты пока слушай и не создавай проблем.

«Не создавать проблем» – записала тут же в блокноте. Сразу под надписью о некой Хеоне.

– Для лучшего усвоения информации мы будем проводить с вами занятия по программе ускоренного обучения по тем или иным дисциплинам, – вещал ректор. – Во время лекций ваше внимание будет максимально сосредоточено на словах преподавателей, и ничто иное не будет вас отвлекать. Как сейчас. Прислушайтесь к внутренним ощущениям. Неприятные симптомы исчезли, вам легко и приятно. Отчасти в этом заслуга лахусского горного воздуха. Он способствует максимальной продуктивности и вместе с тем улучшению самочувствия.

Короче говоря, девушками все же манипулируют. Пускай теперь они почти как нормальные, но какая нормальная женщина, насильно оказавшись в другом мире, будет с интересом слушать об устройстве этого самого мира?

И пока в аудиторию входили преподаватели, ректор поименно их называл, я записывала в блокнот, а остальные радостно хлопали, меня вдруг посетила гениальнейшая мысль. Простая, но много чего объясняющая. Как, собственно, я раньше не додумалась?

Девушки беременны, и ими управляют. Я не беременна, и на меня ни местный воздух, ни гипнотический голос не действуют. Если только глаза министра.

Зыркнула на министра – внимательно следит за тем, что я пишу. Нарисовала в блокноте чертика и продолжила размышлять. Как там ректор вчера сказал? Лахи помещают в женщин частичку себя. Должно быть, именно так они потом ими управляют. Воздействуют на сознание через ребенка.

И все же... Как тогда сюда попала я? Тот любитель драконов явно ничего во мне своего не оставил.

– Я хочу также обратить ваше внимание на эсмина Эринса, моего заместителя, и его супругу Кристину, – добавил ректор, закончив представлять преподавателей. Я насчитала ровно десять имен в блокноте. – Эринс и Кристина послужат вам наглядным примером состоявшейся пары.

За гулом восхищенных вздохов никто и не услышал моего громкого насмешливого фырканья. Только на лице министра появился намек на улыбку. Что, тоже смешно, да? Кажется, уже все и забыли, с какой страстью еще вчера она размазывала пирог по физиономии своего муженька.

– Эсмина Кристина не студентка академии, она официально причислена к роду своего супруга и беременна уже вторым ребенком, – объявил хвастливо Вальд. – Но так как разлука для них неприемлема, Кристина останется в академии вместе с мужем до самых родов. Посещать занятия она будет по желанию. Возможно, в один прекрасный день эсмина захочет поделиться своим приятным опытом с вами.

А вот по лицу Кристины так не скажешь. Она немного пришла в себя и притворяться довольной жизнью не стала. А когда нашла меня взглядом и увидела рядом Эльдеона, покачала головой.

Пока ректор не начал говорить что-то еще, я подняла руку. На предупреждающий взгляд от сидящего рядом лаха не стала обращать внимания. Он уже в принципе мною недоволен, так что... А вот ректор был откровенно удивлен. Так и хотелось закатить глаза. Да! У меня есть мозг, да! Вопросы у меня тоже есть.

– Валерия? – спросил он осторожно. Ну я и выдала все на одном дыхании:

– Почему в академии нет коренных лахушек? Вы вообще когда-либо задумывались над тем, чтобы сменить название королевства? Кто такая Хеона? О, и что у вас с одеждой?

– Валерия! – шепнул угрожающе министр, когда больше сотни пар глаз уставились на меня, а на лице ректора заиграли желваки.

– Белый носят только те, кому повезло не угодить в брачный капкан? А еще мне бы очень хотелось узнать...

Министр сжал мою руку и потянул на себя, но мне удалось вырваться.

– Что делать тем, кому не нравится избранный? Нечестно как-то получается. Мужчины женщин выбирают, а женщины...

– Лера! – совсем тихо, очень зловеще и прямо над ухом. Я даже все слова растеряла. А когда вспомнила вчерашнее предупреждение о сокращении имен, еще и все вопросы позабыла. Какая это я ему Лера?

– Валерия! – поправила я.

– Сейчас договоришься и станешь Лерой прямо здесь, – пригрозил министр, включив эти свои гипнотические глаза. Я думала, стенка мне страшна. А нет. И в удобном кресле может быть очень даже некомфортно, когда на тебя та-а-а-ак смотрят.

– Так-таки прямо здесь? – съязвила я. – И прямо сейчас?

Министр ведь не знал, что мне ректор вчера немного об их законах рассказал. Вот и вздумал запугивать. Нет, у него неплохо получалось, но мне все же терять нечего. И чем быстрее он поймет, что мне здесь совсем не место, тем быстрее найдет способ вернуть меня обратно. Жаль только, что смотреть с вызовом в эти глаза дольше пары секунд не выходило. Не выдерживала. Симптомы возвращались. Щеки и шея наливались жаром, сердце колотилось, и... В общем, я была рада, когда ректор прервал наши молчаливые гляделки.

– На многие вопросы я дам ответы прямо сейчас, – заявил он на весь зал. – Остальное вы поймете позже. Жизнь на Лакхусе довольно простая. У нас есть четко прописанные законы, и мы им следуем. Каждый член общества занимает свою нишу, и потому всюду царит порядок. Но понять разницу между вашим миром и нашим вы сможете лишь тогда, когда начнете жить, как истинные лахушки.

– Угу.

– И нет, Валерия, – уже улыбаясь добавил Вальд. – Мы никогда не задумывались об изменении названия. Лакхус образовался задолго до появления человечества на Земле. Спустя

несколько лет вы полностью перейдет на лахусский язык, а родной забудете. И будете вспоминать лишь по возвращении на Землю, когда захотите навестить родных.

Хотела я спросить, почему бы не отправить меня к родной маме прямо сейчас, но ректор на этот раз не дал мне шанс, а сразу продолжил речь.

– Лахус! – воскликнул он и взял со стола небольшой голубой шарик. – Королевство с великой историей.

Я даже не отдала себе отчет, что охнула одновременно с остальными, стоило ректору движением рук увеличить шар до размера его самого. Это было точно такое же свечение, как у меня в спальне. Даже возникла мысль быстренько встать и побежать туда. Я ведь могу дома оказаться?

Но министр как будто прочитал мои мысли и опять схватил за руку. Буквально сцепил наши пальцы в замок. И даже мой злющий, явно протестующий взгляд не возымел никакого эффекта.

– За насилие над женщиной смертная казнь, – напомнила я шепотом.

А он что? Опять улыбнулся, как будто я его ну очень веселила.

– Если удастся доказать, что женщина извращенка, и ей это нравилось, то можно избежать наказания, – шепнул он, слегка наклонившись ко мне и не отрывая взгляда от ректора.

Я снова охнула. И остальные тоже. Только их поразили фокусы с голубым шаром, а меня наглость сидящего рядом лаха.

– Смотри, – посоветовал Эльдеон. – Это не портал. Просто лахусский телевизор.

Я уже действительно смотреть начала, а он руки так и не убрал. Попыталась вырваться – только сжал сильнее. Больно не было, страшно тоже... почти. А вот симптомы буквально дышать не давали. Только болтовня ректора и отвлекала.

– На Лахусе не всегда был мир и порядок, – заговорил он, отойдя подальше от «телевизора». Картинки в нем сменялись быстро, показывая красивые пейзажи на любой вкус и цвет. И удивительно, но все летние, теплые. – Прошлые мы называем Темными временами. Тогда нам еще были неведомы способы управления пространством, и первобытные лахи жили в жестоком обществе.

– Ну, вы не далеко ушли, – пробормотала я. Эльдеон вздохнул и покачал головой. Да, я невыносима и неисправима. Ужасная я, отправьте меня домой!

– Больше всего ценилась сила, – пояснил ректор Вальд. – Как физическая, так и магическая. Лахи, естественно, были сильнее развиты физически. Но все чаще именно девочки рождались с сильным даром. Одна из них – Хеония. Великая ведьма прошлого. Именно она научилась сгущать и искажать пространство, образовав первый на Лахусе портал. Он открыл ей путь в неизведанный мир, который теперь закрыт для посещений. В мире под названием Дартея правили женщины. Их законы и порядки были ничем не лучше лахусских, но на Хеону они произвели особое впечатление. Получив знания от дартеянок, она вернулась на Лахус и наложила на всех лахушек страшное несокрушимое проклятие, отрезающее возможность иметь детей от мужчин. Отныне они могли размножаться с помощью особого заклинания, в котором рождение мальчиков не предусматривалось.

На экране вспыхнул образ страшной обезумевшей бабы с шальным взглядом.

– Довели... – протянула я и поджала губы. Вспомнила про руку министра, дернула на себя, а он неожиданно поддался. Но так только хуже стало. Пальцы-то он не разжал, и теперь они находились на моих коленках.

– Да отпустите вы меня, – шикнула я. – Сбежать не буду.

– Что, интересно стало? – с явной издевкой поинтересовался он и наконец убрал свою лапищу.

Даже отвечать ему не хотелось. Ну интересно, и что? Может, хоть что-то новое узнаю, а то из них все по слову тянуть надо.

– Конечно, правитель Лахуса не мог позволить случиться катастрофе, и он приказал остановить Хеону, – меж тем говорил ректор. – Она была сильнее любого лаха, но все же целой армии противостоять не смогла. Ее пленили и попытались облагородить. Предлагали свободу взамен на снятие проклятия. Но она отказалась. Две тысячи лет назад ее казнили. В день казни она обратилась ко всем женщинам Лахуса, заклиная истребить мужчин, как недуг. По ее мнению они были слишком жестоки. До последнего вздоха она верила в то, что обретая силу, лахи теряют души.

– И мозги, – добавила я, согласно кивая. Поймала на себе предупреждающий взгляд министра. Пожала плечами. – Что? Мудрая женщина была.

– Хеона была ужасной и гениальной одновременно, – заявил ректор Вальд. Вот даже он ее уважал. – Конечно, она глубоко заблуждалась и своими безумными идеями едва не привела наш мир к гибели. К счастью, некоторые ее ученицы вовремя опомнились и начали работать во спасение цивилизации.

В светящемся кругу появились образы других таких же страшных, но не таких обезумевших женщин. Вообще, я начинала понимать, почему лахи позарились на землянок. А мы-то красивше. У нас и фигурки, и лица посимпатичнее. Коренные лахушки больше мужчин напоминают. По крайней мере, двухтысячелетние.

Подняла руку. Сидящая по соседству девушка посмотрела на меня с осуждением. Пальцы министра вновь поползли к моим коленкам. Ректор усердно делал вид, что меня не видит.

– Спустя столетия так никто и не смог снять проклятие, – продолжил он, – даже самые одаренные ученицы Хеоны. Лахи нашли способ продлить свои жизни, но вопрос деторождения, как у вас говорят, встал ребром.

– Ум-м-м! – промычала я, поднимая руку так высоко, как только можно. Лапища министра уже улеглась на моем колене, и я все не понимала, для чего. Оказалось, для фиксации. Пригвоздив меня к креслу, он попытался перехватить вторую мою руку, которая была подальше от него.

– Да, Валерия? – раздраженно среагировал ректор, тем самым останавливая Эльдеона. Медленно отстранившись, он послал мне очень красноречивый обещающий расправы взгляд. – Валерия? – напомнил о себе ректор.

А я глянула на него, на монитор с пугающими бабами и обреченно застонала.

– Я забыла, – призналась, послав министру колючий взгляд. Все он.

– Возможно, тебе стоит слушать повнимательнее, – пожурил Вальд.

Возможно.

А меж тем ректор продолжил:

– Как я сказал, когда встал вопрос о продлении рода, лахи начали искать потенциальное решение проблемы в других ми...

– Вспомнила! – выкрикнула я и поднялась. – Я хотела спросить, что сейчас с вашими женщинами стало? Где они? Вы их как, совсем своими порядками заморили или хотя бы где-то в резервацию поместили, как исчезающий вид?

Ректор окаменел. По залу прошли возмущенные шепотки. На меня с укором уставилось больше сотни пар глаз. С укором! То есть они вообще не понимают?

– Девочки, да если они своих родных женщин не ценят, то вас тем более не будут! Вы им...

– Эсмины! – раздался усиленный эхом и полностью заглушающий меня голос министра Эльдеона. – Прошу нас извинить. Такое бывает редко, но некоторые женщины трудно переносят адаптационный период. Как видите, это проявляется в нервозности и неверном восприятии информации.

Девушки понимающе закивали. Все, кроме Кристины. Она наблюдала за мной с восхищенным ужасом. А Эльдеон тем временем схватил меня за локоть и потащил за собой.

– В таких случаях необходимо провести... срочный сеанс расслабления, – завершил он и очаровательно всем улыбнулся. Он, оказывается, и так умел.

Я сначала сопротивлялась, пока он меня тащил, а потом поняла, что бесполезно все, и перестала. Только на остальных посмотрела в надежде, вдруг кто-то меня поддержит. Нет? Совсем никто?

– Лахушки вы! – выкрикнула я уже в коридоре. – Вам и стараться не надо!

– Вчера я считал, что тебе просто нужно время, чтобы все обдумать, – тяжело дыша проговорил министр, ускоряя шаг. Теперь мне за ним бежать пришлось. – Но сегодня я убедился, что ты просто нарываешься.

– А вы не боитесь, что кимоно по швам разойдется от такой скорости?

Он резко втолкнул меня в какую-то дверь и, как только мы оказались в пустой комнате, прижал к стенке. Впечатал свои огромные ладони по обе стороны от моей головы и склонился, дыша, как разъяренный бык.

– Да что вы так нервничаете? – спросила я скромно. Нарывалась? Ну, возможно, капельку. И то лишь для того, чтобы прошупать границы дозволенного. – Я понимаю, вы к послушным куклам привыкли, но вы ведь министр иностранных дел. Вы на Земле хоть раз \ вообще бывали? Знаете, как девушки себя ведут, когда их крадут с постели посреди ночи?

– Они проходят три стадии, – ответил Эльдеон. – Паника, смирение, принятие. Первую стадию мы успешно обошли. Ты видишь в этом проблему?

– Пфф... Да! – воскликнула я. Ведь честно пыталась быть скромной и тихой, как советовала Кристина. Почти все утро. Ну ладно, часа полтора. Но что поделать, если во мне кипит негодование? – Все, что вы делаете, – одна большая проблема. Нельзя просто разбрасываться своим биологическим материалом по разным мирам, а потом красть и детей, и женщин. Вы лишаете их права выбора. Права на счастье. Вы обрекаете их на жизнь в неволе!

Министр зарычал на меня и сделал резкий выпад, но я вовремя зажмурилась и пискнула:

– За насилие смертная казнь!

Он тут же оторвался от стены, как будто его ужалило, и начал ходить по комнате, наматывая круги. А комната оказалась небольшим кабинетом с книжными стеллажами и симпатичной кушеткой в центре. Эдакая зона релакса. Только попробуй расслабиться, когда на тебя смотрят волком...

– У нас нет выбора, – вдруг заявил Эльдеон. – Думаешь, все лахи в восторге от этих порядков? Когда приходит время, для них открывается портал, и никто не спрашивает, хотят они семью или нет. Они должны! Обязаны идти в чужой мир и искать в нем женщину, с которой придется жить до самой смерти. Это их долг перед родиной.

– Тогда вы понимаете, что это полный бред! Ваш мир, может быть, и хорош в чем-то. Нет насилия и высокая деторождаемость – прекрасно! Но как насчет счастья? Обыкновенного женского или мужского? А как же любовь? Чувства? На чем вообще основывается выбор партнера? По каким критериям вы выбираете, в какой спальне открыть портал?

Эльдеон, может, и хотел что-то ответить, но в последний момент передумал. Собравшись, он расправил плечи и посмотрел на меня строже некуда.

– Этот разговор не имеет смысла. Ни ты, ни даже я не сможем изменить правила, придуманные задолго до нас. Король Лахуса – и тот зависит от голосов сотни своих советников. Система работает безукоризненно. И никто не будет ее ломать ради какой-то любви.

– Какой-то?! – воскликнула я. А вот и самое главное различие между нами. Для большинства землян любовь – главная причина создания семьи.

– Именно, – упрямо заявил этот... лах. – Вы так много говорите об этом чувстве, о какой-то мифической вечной преданности, а сами? Измены и разводы на каждом шагу.

Кажется, на Земле он все же был.

– Пустые обещания на ветер. Если для вас любовь – это верность, стабильность и комфорт, то в чем проблема? Мы обеспечиваем своих жен всем этим и даже больше. Мы процветаем. Каждый год в Лахус прибывает сотня женщин, они становятся одними из нас и рожают здоровых одаренных детей.

– Но в этом году сотни не будет, – напомнила я. – Даже самая идеальная система дает сбой. Семью нельзя строить по формулам, графикам и статистике. И чем быстрее ты, – на этом слове я неслучайно сделала акцент, – и все лахи поймете это, тем больше судеб убережете от печальной участи.

Он глядел на меня не мигая. Я давно забила на все правила лахусских приличий и смотрела ему в глаза. Ну давай! Скажи, что я неправа!

– Ты обратилась ко мне на «ты», – сказал Эльдеон то ли недоверчиво, то ли с укором... а может быть, даже с предвкушением. Что-то такое нехорошее блеснуло в его глазах. – Я ведь предупреждал.

Глава 7

Напряженных ситуаций в моей относительно спокойной жизни было немного. Из недавних проблем вспомнился только Никита Степанович и злосчастный отчет. Когда я, с выражением лица серийного убийцы, несла ему уже восьмую основательно измененную версию. А он, поймав этот мой взгляд, пролистал странички и небрежно отшвырнул бумаги со словами: «И это ты доработала?»

Тогда меня от зверского нарушения закона спасло чудо. В кабинет вломилась секретарша и начала поить шефа кофе, чаем, чем они там обычно занимаются за закрытыми дверями...

А сейчас? Кто меня сейчас спасет от этих звериных бешеных глаза цвета бури?

– За насилие...

Даже договорить не успела, как дверь в комнату распахнулась. А говорят, молния не бьет в одно место дважды. Но я все же везучая.

– Ректор Вальд! – радостно заявила я и всплеснула в ладоши. А вот министр ему рад откровенно не был.

– Вот ты где, – угрюмо произнес ректор и не менее угрюмо посмотрел на Эльдеона. – Воспитательную беседу провел?

– Не совсем, – ответил тот и зыркнул на прилепленную к стенке меня. – Только начал.

В этих словах так и читался намек-просьба покинуть нас. Но вместо этого ректор закрыл дверь и пошел к кушетке. Усевшись, он похлопал рукой рядышком, приглашая и меня.

– Мне и тут хорошо! Ноги затекли, постою я.

А сама сделала шагок в сторону двери.

– Я хотел поговорить с тобой, Валерия, – начал Вальд.

– Я тоже, – опять намекнул министр.

– Вот и отлично! – обрадовалась я. – Поговорим все вместе. На мой вопрос о местных женщинах вы так и не ответили.

– Ну, если бы ты не сорвала вводный курс, то обязательно узнала бы больше, – с укором произнес ректор. – Мы не собираемся от вас ничего скрывать. Это наша история, сложились все иначе, и мы бы здесь сейчас не сидели.

– Вот об этом! – обрадовалась я. – Может, мне и не нужно забивать голову всякой чепухой, все равно ведь я домой скоро вернусь, правда?

И с надеждой посмотрела на одного и на второго. Второй, который министр, только пальцы в кулаки сжал. Вот теперь явно различались добрый и злой полицейские. Ректор на его фоне был лапочкой.

Улыбнувшись, он откинулся на спинку кушетки, отчего его кимоно опасно натянулось во всех стратегических местах. Я старалась не смотреть. Старалась как могла.

– Это мы сейчас и обсудим. – Он посмотрел на министра и послал тому подобие винтового взгляда. Или мне показалось? – Как ты и говорил, в Законе о порталах в другие миры ничего нет о небеременных женщинах. – И снова мне с улыбкой: – Таких случаев у нас еще не было.

– Ага. И? – К чему-то же он ведет.

– Но есть интересный пункт в Законе о призванных невестах, – охотно продолжил ректор Вальд, а Эльдеон, до этого стоявший статуей, медленно к нему повернулся. И теперь волком министр смотрел на ректора. Вообще, психованный у них какой-то министр иностранных дел. Но Вальд, кажется, привык, потому что продолжил как ни в чем не бывало: – Понимаешь, Валерия, порталы открываются всего в двух местах на Лахусе. Одно из них в горах, недалеко от академии, а второе близь замка его лахушества.

– Может, величества? – предложила я более приятный слуху вариант.

– Опять перебиваешь? – с укором спросил ректор. Я покачала головой и сделала еще шаг к двери. – Хорошо. Порталы открываются только с разрешения его лахушества, а переходы строго контролируются защитным заклинанием. Это высшая магия, которая не каждому лаху по зубам.

Он указал на свое кимоно и на кимоно министра.

– Вот и ответ про цвет наших андзугов.

– Чего? – совсем не поняла я.

– Андзуг – мужской национальный наряд, – пояснил ректор.

– Ваш язык похож на немецкий, вы в курсе?

Лахи недоверчиво переглянулись.

– Нет, – отрезал ректор и продолжил мысль: – Цветной андзуг может носить только лах, освоивший верховную магию.

Я метнула взгляд на министра и быстренько все переварила. Я-то думала, что цвет означает семейное положение. Тот же Эринс. И министр. А теперь выходит, что так и не узнаешь – женат кто из них или нет.

– А вы женаты? – спросила у министра исключительно для понимания того, насколько я влипла. И прилично же спросила! На «вы», и даже взгляд опустила. А он взял и издал страшный обреченный вздох.

– Она издевается, – пожаловался он ректору.

– Она не понимает, – вступился тот за меня. И тут же пояснил: – Задавая подобные вопросы лаху, ты выказываешь явный интерес к нему как к мужчине. И как ты, надеюсь, успела понять, мы воспринимаем подобные приглашения буквально. Итак, Валерия. Ты действительно хочешь знать, женат ли эсмин Эльдеон?

Я активно замотала головой.

– Мне бы домой...

– А я не женат, – торжественно объявил ректор. Жаль, он на выражение лица министра не обращал внимания. С ним запросто можно аттракцион «комната страха» устраивать. Для этого нужны только министр и, собственно, комната.

– Это прекрасно, но...

– И в этом году, – перебил меня ректор Вальд, буквально упиваясь своей радостью, – я не получил призыв. Ни одна из невест академии мне не принадлежит.

– Они не вещи! – возмутилась я. Но кто бы меня слушал.

– Так вот, в Законе о призванных невестах сказано, что женщинам, которых не удалось оплодотворить, портал не открывается. А лах, который был к ней призван, естественно, не получает уведомление о ее прибытии на Лаксус. Допустим, произошла неведомая нам ошибка, и портал тебе все же открылся. Но вторая часть пункта закона все еще действует.

Министр уже совсем навис над ректором жуткой непрошибаемой горой, а тому хоть бы хны. Он все смотрел на меня, с улыбкой наблюдая за реакцией. Я не понимала. Точнее, не хотела понимать. Но мне и стараться не нужно было, спустя пару секунд, ректор сам подытожил все вышесказанное:

– То есть за тобой, Валерия, никто не придет, когда закончится курс обучения. Ты ничейная!

Совсем олахуели, да?

Нервно хмыкнув, я глянула на министра. Ну он-то опровергнет это абсурдное заключение? Эльдеон поднял на меня глаза, наши взгляды только на секундочку пересеклись, и мозг мгновенно переработал информацию. «Да ну на фиг», – мелькнула шальная мысль, и тело отреагировало незамедлительно. Я бросилась к двери, но едва успела схватиться за ручку, как раздался щелчок замка.

Дернула – ничего. Обернулась к лахам, опять нервно хмыкнула.

– А чего заперто?

– А куда тебе бежать? – тоном змея искусителя спросил ректор. Даже выбесил. Расправив плечи, я так ему и заявила:

– Я не вещь! Я сама себе принадлежу. – Подумала и добавила: – А за насилие смертная казнь.

Он в ответ расхохотался. Сволочь неблагородная.

– Никто и не будет тебя насиловать, – заверил ректор Вальд. – Но, Лера, я ведь и оболыщать умею.

– Валерия! – поправили мы с министром одновременно.

Я снова дернула дверь. Все бредовой и бредовой с каждым часом в этом чертовом мире.

Ректор послал министру вопросительный взгляд, а тот указал на меня. А точнее прямо на родимое пятно.

– Как видишь, не все сходится в твоей теории. Ее призванный рядом. А значит, ты никак не можешь на нее претендовать.

– А кто может? – с вызовом спросил ректор, смотря на Эльдеона снизу вверх. – Может быть, ты?

Тот сделал угрожающий шаг и процедил:

– Ты знаешь, что я по этому поводу думаю.

– Знаю, потому и не рассчитывал, что ты станешь возражать.

– Слушайте, а может, я все же пойду? – предложила я действительно хорошую идею.

– Стану, Вальд, – заявил министр строго. – Стану, потому что ты не вправе распоряжаться ее судьбой.

– Вот именно! – воскликнула я. – Спасибо! Наконец-то хоть одна разумная мысль.

Оба на меня недовольно зыркнули, министр вообще по-зверски. И Эльдеон продолжил:

– Это должен сделать король.

У меня просто руки опустились. Ну что за мир? Что за идиотизм?

– А ты ведь не хотел ставить его в известность, – протянул довольный министр.

Ректор напряг челюсти, встал и сделал несколько шагов к окну. Подумав немного, обернулся и снова посмотрел на меня, как бы прицениваясь, стою я чего-то там или не стою.

– Не пойму, зачем ты усложняешь? – спросил он.

Я только руками развела.

– Да мне бы выйти!

– Я не усложняю, а пытаюсь следовать законам, – ответил министр. В общем, невидимкой быть не классно.

– Девушка свободна, – заключил Вальд. – Она как подарок. Пускай я не единственный мужчина в этом замке, который может претендовать на нее, но я уж точно тот, кто сможет заявить на нее свои права и обеспечить защитой рода.

У меня челюсть отвисла. Подарок? Права?

Они вообще знают пределы женского терпения? Или это меня карма настигла, и теперь я на себе должна ощутить все прелести «ощупывания границ»? В общем, то выражение лица серийного убийцы вернулось снова. Я его чувствовала каждым нервом, каждой мышцей. Особенно меня выдавало подрагивающее в нервном тике веко.

И вот когда я уже была готова свершить жестокое межмировое преступление, меня опять спасли. Везучая я, чего уж. Замок щелкнул, привлекая мое внимание. И сразу клацнул снова. Я схватилась за ручку, дернула – опять заперто. Посмотрела на мужчин. Они теперь в гляделки играли и на меня более внимания не обращали. Только министр слегка махнул рукой, и замок клацнул опять.

– Лера! – позвал ректор, но поздно было. Дверь я таки открыла. И побежала что было сил. По коридору, по лестнице вниз, к центральным дверям, на улицу, а там... толпа лахушек. И во главе Эринс.

– Наконец-то и эсмина Валерия почтила нас своим присутствием, – язвительно протянул он. – Очень рад, что твой личный график хоть изредка совпадает с общепринятым для всех студенток академии.

Почти все девушки уставились на меня с неодобрением, насмешкой, а некоторые с откровенной жалостью. Нет, ну как будто бы это я одна с ума сошла, а не все они!

– Перестань, – шепнула мужу с укором Кристина и подбежала ко мне. Взяла под руку и под неодобрительный взгляд Эринса повела в сад.

– Он тебя шас как загипнозит, – предупредила я.

– Не загипнозит. Он знает, как меня это бесит, и не частит. Ну ты дала! Что тебе Демон сделал?

– Демон? Это министр, что ли?

– Эль – приставка, означающая знатный род, – зашептала Крис. – Приближенные к королю. А так-то он Деон. Демон само собой напрашивается. Так что? Сеанс расслабления был?!

И она хихикнула.

– Угу. Почти! Только расслабились его извилины, а я вообще-то сбегать решила. Хочешь со мной?

Кристина добродушно улыбнулась и покачала головой.

– Не, я тут останусь. По Эрику страх как соскучилась. Эринс отвезет меня к нему на пару недель, пока еще можно меня транспортировать. Так что в башне ты временно будешь единственной женщиной. Справишься?

Я посмотрела на главные и плотно закрытые ворота академии, заросли плюща, вьющегося по высокому забору, который уходил за стены академии и конца ему не было видно... И кивнула.

– Меня тут не будет. Сбегу!

– Жаль тебя разочаровывать, – заверила Кристина меланхолично. – Никто особо и не пытался, но Эринс не раз говорил, что академия защищена магическим полем. Приблизись к нему – и сразу потеряешь сознание. Это безобидно, но тебя в итоге найдут и вернут обратно.

Покусав губы, я начала перебирать другие варианты.

– А если с тобой? В твой чемодан залезу и подожду, пока проедем ворота.

Кристина только хмыкнула.

– Эринс почувствует тебя. Он ведь не человек, пойми. Лахи могут то, чего не могут люди. А мой еще и особо одаренный. Не сбегать тебе.

Я потупила взгляд и совсем отчаялась. Если даже она, прожившая здесь два года, так говорит, то какие у меня шансы?

– Эй, ну чего ты? – позвала Кристина. – Поздно уж метаться. Тебе о себе думать надо. Своих детей лахи никогда не отпускают. Так что раз уж ты сюда попала, назад дороги нет.

Она так говорила только потому, что не знала всего. Я зыркнула по сторонам, убедилась, что в радиусе пяти метров никого нет, и шепнула:

– Я не беременна!

Кажется, мне не поверили. Послав мне понимающую улыбку, Кристина заверила:

– Это нормально. Я тоже так думала. Где-то до пятого месяца, а потом ощутила первый толчок. Несмотря ни на что, обалденное чувство. А потом, когда уже родила и Эрика передали мне в руки, я ощутила ни с чем не сравнимое счастье материнства. Знаешь, здесь между детьми и мамами образовывается особая связь. Даже те, у кого напрочь отсутствует материнский инстинкт, никогда не смогут бросить ребенка-лаха. Они особенные. Ох, я тебе сейчас

кое-что покажу! – воскликнула она и повела меня к уютной лавочке под высоким деревом с фиолетовыми листьями. Его крона и длинные ветки, как лианы, свисали над землей, образуя своего рода шатер. Все в этом саду было таким прекрасно-милым и расслабляющим – от лавочек и цветочных клумб до водопадов и замысловатых скульптур. Прямо тошно!

Но Кристина заинтриговала. Усадив меня на лавку, она перекинула ногу и села напротив. Запустила руку в волосы и вытащила оттуда заколку. А из нее достала знакомый шарик.

– Портал? – с надеждой спросила я.

Она лишь фыркнула и жестом показала молчать.

– Сейчас увидишь.

При детальном рассмотрении я поняла, что шарик зеленоватый, а не голубой. Расширив его жестом точно так же, как продемонстрировал ранее ректор, Кристина уставилась в центр зеленого дымчатого круга. Изображение внутри сгущалось, пока не начали всплывать узнаваемые образы. Просторная комната, окно, кресло, детская кровать и разбросанные повсюду игрушки.

– Эрик! – послышался звонкий женский голос. А после незнакомая речь. Очень похожая на немецкий, но ни слова не разобрать.

Я охнула и отпрянула, когда в экране показалось зубастое детское личико. А вот Кристина рассмеялась.

– Ты кто на этот раз? – спросила она у малыша, протягивая руки в круг. – Герон?

– Дракон! – ответил он. Очень четко, выговаривая все буквы.

– Эрик! – воскликнул женский голос на заднем фоне, а после по-русски, но с жутким акцентом: – Ты же знаешь, что играть в дракона нельзя.

Кристина посмотрела на меня и одними губами произнесла: «Свекровь».

– А-а-а! – понимающе протянула я. Очень бы хотелось посмотреть на маму Эринса, но она в поле зрения не попадала. Зато изображение отделилось, и я смогла рассмотреть сына Кристины. Ребенок на первый взгляд казался обычным, но телодвижения и правильная речь никак не гармонировали с заявленным возрастом.

Пока Кристина общалась с сыном, расспрашивая, какие подарки ему привезти, я наблюдала за ней и пыталась выявить хоть малейший намек на фальшь. Но лишь убедилась в ее словах. Она обожала сына, и ее любовь читалась в глазах, в ласковом взгляде. Это и радовало меня, и пугало одновременно. Ни одна землянка, которую привезли сюда, никогда не вернется домой. Ведь здесь, на Лахусе, самое ценное для любой женщины – ее ребенок.

– Эрик, я тебя сейчас кое с кем познакомлю! – заявила Крис и шепнула мне: – Запусти руки в шар. Не бойся!

Я неприветливо покосилась на зеленый ободок света и осторожно протянула ладони. Пальцы слегка покалывало, но это быстро прошло. Просто было тепло.

– Хорошо, а теперь просто закрой глаза, – попросила она, и я опять повиновалась.

А как только опустила веки, вздрогнула от прикосновений к своей голове. Посмотрела на Кристину, но ее руки были в шаре, и поблизости все еще никого не было.

– Связующий шар позволяет не только видеть и слышать, но и ощущать, – пояснила она оживленно. – Эрик, это эсмина Валерия.

– Доброе утро, – произнес мальчик, и два синих глаза появились в шаре крупным планом. Он пристально на меня смотрел, и все это время я ощущала прикосновения. Сначала к волосам, потом кто-то щипнул меня за нос. Потом за уши.

– Милый, не шали! – засмеялась Кристина. – Валерия впервые пользуется связным шаром.

– Ты красивая, – заявили мне.

Скромно улыбнувшись, я поблагодарила мальчика.

– Мама? А можно когда я вырасту, я заберу Валерию себе?

Вот еще один! У них доминантские замашки, что ли, с пеленок?

– Думаю, к тому времени, сынок, она будет занята, – сочувственно произнесла Крис.

– Жаль, – ответил мальчик грустно и вздохнул. А я ощутила поглаживание по своей щеке, той самой, что с родимым пятном. – Она мне очень понравилась. На тебя похожа. И даже метка у нее такая, как у тебя.

Я посмотрела на Кристину, и пока она, посмеиваясь, говорила сыну, что он обязательно встретит свою избранную, всплыли недавние слова министра, брошенные в споре. Как он там сказал? «Ее призванный рядом». Пятно Кристины тоже темное, и Эринс рядом. А у остальных такого нет. Выходит, мой призванный, этот придурок с тату дракона... где-то здесь? Прямо в академии! А значит, он сто процентов уже видел меня. Видел, но ничего не предпринял, чтобы вернуть меня обратно. Вот же... ящерица ехидная.

Глава 8

Тяжело дыша, я пялилась в потолок и ждала, когда сердце перестанет так неистово колотиться. Любой шорох заставлял меня вздрагивать и хвататься за ножик. И так уже час, с тех самых пор, как Кристина уехала. Я уже сто раз пожалела, что отказалась от идеи сбежать в пользу нового неожиданно созревшего плана. А план весьма прост. Найти лаха с тату дракона, запереться с ним в темном чулане, взять веревку, скотч и воплотить все свои угрозы в реальность. И только после этого заставить вернуть меня обратно. Он не только на все согласится, но и больше никогда не станет призванным ни для одной человеческой женщины. Уж об этом я позабочусь.

Я все продумала. Днем после прогулки вернулась в аудиторию, забрала блокнот. Дополнила список именами ректора и министра. Эринса сразу исключила, так как Кристина завила, что никакой татуировки дракона на нем нет. И вообще с драконами у них давным-давно произошел конфликт, и портал в их мир закрыт раз и навсегда. А любое упоминание о них считается ругательством. Так что только слабоумный сделает себе татуировку дракона, да еще и на груди. Для лаха это так же, как для нашего мужика набить мужской детородный орган на лбу.

Ну, то, что «мой» лах не отличается умом и сообразительностью, я еще в первую встречу поняла. Но благодаря сей особенности я теперь его легко вычислю. Как? Элементарно, Ватсон! Вручную. Всех лично подкараулю, раздену и проведу тщательный осмотр. Без веревки реально не обойтись.

Покусала губы, перекатилась через кровать и взяла с тумбы блокнот. Ножик тожехватила. На цыпочках поскакала к окну и в свете яркой луны еще раз проверила распорядок дня на неделю. Подъем в десять, дальше утренние процедуры, завтрак. После трехчасовые лекции по истории, которые будут длиться всю неделю, прогулка в саду и обед. Ни в лекционном зале, ни в столовой веревку я не найду. Хотя ножиком я сегодня обзавелась. Завтра прилажизую еще и вилку.

Потом у них, как в садике, послеобеденный сон. Только девушек не в спальни отсылают, а на задний дворик. Там под тентом удобные лежаки с видом на горы. Сегодня днем, таки передумав бежать, я пошла со всеми. Они заснули мгновенно, будто их по щелчку отрубили, а я просто лежала, любовалась видом и думала о своем. Например, что со мной сделает министр? Женильба его, кажется, не интересует, и в целом он почти согласился, что мне здесь не место. Стоит ли ему рассказать про тату? А ректор? Соблазнять меня надумал? Ну-ну! Успехов! И еще про короля вспомнила. Если с ним связаться, то одно из двух – либо он меня пощадит и отправит обратно (во что верится с трудом), либо в приказном порядке передаст в руки какому-то лаху. Все же я слишком много знаю... Значит, одна надежда на себя и моего безучастного призванного. Халтурщик! Ведь знает, что накосячил! И ничего не предпринимает. Мстить! Только мстить!

Спустя час, когда отдых закончился, нас повели, как заверил Эринс, развлекаться. Короче, не умеют лахи развлекаться, это я тоже давно поняла. Хотя некоторым девицам действительно было интересно посмотреть на скелеты и мумии доисторических существ. Меня больше волновали реальные вещи. К примеру, профессор истории, эсмин Этолис. Уж очень он оживленно рассказывал про геронов, которые заселяли этот мир задолго до появления лахов. Я не могла не отметить, что героны были самыми обыкновенными крылатыми динозаврами. Драконами, короче говоря. И когда задала вопрос, в чем разница, эсмин Этолис внимательно посмотрел на меня своими тоже синими-пресиними глазами (как будто других у них и не бывает) и призывно так улыбнулся.

– Драконы имеют две личины – звериную и гуманоидную, владеют магией, и интеллектуально развиты. Героны же по своей сути малоразумные жестокие звери, как ваши динозавры.

Я не могла не отметить, что весь остаток экскурсии профессор постоянно на меня поглядывал. Его захотелось проверить в первую очередь. У меня даже была возможность, когда я отбилась от стада и увидела историка, спускающегося по лестнице. Догоняй и хватай! А на деле оказалось, что я трусиха. В голове только и крутились слова ректора о том, что я ничейная и любой может заявить на меня права. Мало ли что историку вздумается, если я вдруг его раздевать начну прямо на лестнице.

А потом был ужин. Но ни министр, ни ректор не составили нам компанию. Их места занимали преподаватели географии и истории религии. Вот последний, которого я сегодня утром в одном лишь полотенечке видела, и натолкнул меня на гениальную мысль. В душе! В душе каждого подкараулю.

Я посмотрела в блокнот, аккуратно вычеркнула эсмина Карита – профессора религии – и застыла, услышав шаги.

Сердце опять забилося, как птичка в клетке. Медленно обернулась, посмотрела на дверь. С одной стороны, может и хорошо, если бы министр пришел. Он все же мне какое-то средство от пятна обещал, да и я бы заодно проверила наличие тату, а с другой... зря я, что ли, этот стол через всю комнату тащила? А если ректор соблазнять пришел? Оттого сердце так и колотилось. Не хочу соблазняться!

Шаги отдалились, и я облегченно выдохнула. По крайней мере, не сегодня.

Утром третьего дня в мою дверь постучали – Эринс тут как тут. Жenu отправил и вернулся. Он провел меня к душевой, но ни одного полуобнаженного препода я к своему разочарованию так и не встретила. Завтра решила встать пораньше и идти самостоятельно. Но на всякий случай лучше перестраховаться и обзавестись средствами самообороны. За завтраком на местах ректора и министра опять были новые лица, как будто у них какое-то дежурство. Зато я стащила вилку! А потом началась лекция.

Лекция, стоит отметить, была весьма увлекательной со всеми этими картинками в магической сфере. Я даже узнала, что на Лакхусе все же есть женщины. Они по-прежнему могут размножаться лишь с помощью особого заклинания, потому их всех держат под строгим присмотром в отдаленных городах. Коренные лакхушки, по словам историка, дикие, необузданные и лучше нам с ними никогда не встречаться, так как они страшно завидуют, что мы, землянки, заняли их места. Девушки в аудитории были поражены, и только я одна понимала несчастных лакхусских женщин. Конечно, злые. Конечно, дикие! Их тысячи лет не соблазняли. Отправить бы им ректора на растерзание. Или моего недоделанного. Вот это была бы месть... В общем, интересная оказалась лекция.

Но профессор Этолис так и не ответил на ряд моих вопросов. К примеру, откуда вообще взялись коренные лакхушки, если проклятие наслало еще две тысячи лет назад? Не могут же они так долго жить! Рожают ли землянки девочек? И если да, то распространяется ли на них проклятие? А если распространяется, то что правительство Лакхуса с ними делает? Отправляет в заповедники к коренным?

Вопросы оказались неудобными, и историк лишь отмахнулся, сказав, что до этого мы еще дойдем на следующих занятиях. А после опять начал втирать про геронов. Его точно следует проверить первым!

В целом день пролетел быстро. Неожиданно. Даже несмотря на то, что я не могла расслабиться ни на секунду и все ожидала, что из-за ближайшего поворота выпрыгнет ректор, распахнет свой андзуг и начнет меня соблазнять вот так сразу. Не выпрыгнул. На обеде и ужине тоже не появился. Я даже не выдержала и полюбопытствовала у Эринса, как так. А он сказал, что у них с министром важные дела и это вообще не моя печаль. И как его Кристина терпит?

В общем, веревку я нашла! На заднем дворике оторвала рюшку от топчана, когда Эринс отлучился, чтобы поговорить с женой и сыном по шару. Наяривал им каждый пять минут. Озабоченный!

Оставался скотч. Или что-то липкое и малоприятное, чем можно сделать очень больно. Об этом я решила подумать завтра и улеглась в кровать, наконец на короткий миг ощутив покой. Ректора нет. Министра нет. Проблем пока тоже нет...

Жуткий грохот заставил меня вскрикнуть и подорваться с кровати. Я в итоге даже свалилась с нее и осталась на полу. Дверь начала открываться, а стол с грохотом двигаться. Это ж какую силу надо иметь, чтоб вот так запросто этот тяжеленный стол...

– Не спишь? – послышался знакомый и оттого неприятный голос.

Выглянула из-за кровати, убедилась в своих страшных догадках. Министр. Хотя лучше, чем ректор. Но все равно... Брр.

Особенный ужас наводят эти его светящиеся глаза. Сразу видно, что мужчина не «свой». Но раз уж пришел, надо пользоваться моментом. Хотя в голове не было ни единой идеи, как заставить его снять андзуг и показать мне свою грудь... без последствий для меня. То, что беременеть мне нельзя, – это я для себя четко уяснила.

– А вы один? – спросила я вежливо и встала. Министр закрыл дверь, ленивой походкой обошел стол, осмотрелся и остановился по другую сторону кровати.

– А ты хотела, чтобы я взял с собой еще кого-то? – язвительный ответ-вопрос. И с изучающим прищуром: – Ректора?

Отвечать вопросами я тоже умела. Этому каждого землянина в высшем учебном заведении обучают.

– Короля?

– Думаешь, он тебя спасет?

Ха! В этой игре Эльдеону не победить! И я в точности повторила его едкую интонацию:

– Если не он, то кто? Вы?

И сложила руки на груди, с насмешкой ожидая ответа. И с надеждой одновременно.

– А если и я? – спросил он и тоже усмехнулся. По крайней мере, в свете лахусской луны черты его лица угадывались четко. – Как далеко ты готова пойти, чтобы получить желаемое?

Я едва сдержала возмущенный вздох. И пальцы тоже сжала посильнее, впиваясь ногтями в ладони, а то так и хотелось схватиться за подушку и метнуть ее в эту нахальную симпатичную рожу.

– Вопрос в том, – процедила я каждое слово, – как далеко зайдете вы в своих извращенских запросах?

– Мои запросы растут в геометрической прогрессии, – ответил он утвердительно, чем вызвал у меня победную улыбку. Правда, длилась она секундочку, пока он не продолжил: – Учитывая то, что ты постоянно нарываешься, особенно сейчас. Где твоя пижама, Валерия?

И он опустил взгляд ниже, ниже, еще ниже... Да он всю меня буквально облизал и проглотил своим жутким взглядом за доли секунды. И опять тело отреагировало так же, как всегда в его присутствии. Даже пальцы подрагивать начали. Какая ему вообще разница в пижаме я или в ночнушке, что мне выдали, если в комнате темно и...

– А вы что так хорошо в темноте видите? – спросила я с подозрением и на всякий случай потянулась к покрывалу.

Министр расплылся в садисткой улыбке и только сейчас поднял глаза на уровень моего лица.

– Не хуже, чем днем, вообще-то, – проговорил он, наслаждаясь моим ужасом. – На лекциях этого еще не было?

Нет, ну я просто не удержалась. Не смогла! Как вообще можно такое спустить, когда эта симпатичная улыбчивая рожа светится триумфом, и подушка совсем рядом под рукой, а дви-

жения, они же автоматические... Подумать хорошенькое не успеешь, а подушка уже врезалась в министра. Она, кстати, первой сползла с его лица, а потом и довольная улыбочка. А я просто все еще стояла в ужасе и не верила, что сделала это. Странное чувство – и облегчение, и тихий ужас в виде гусиной кожи по всему телу.

– Й-я не хотела! – сразу обозначила. – Оно само как-то.

Министр пока стоял смирно и просто смотрел на меня диким испепеляющим взглядом. Привыкнуть – я почти привыкла, но выдержать – невозможно. Так что я продолжила:

– И знаете, я тут думала, пока вас не было. Я же всей информации не знала, понимаете? И вообще я глупенькая еще, малоопытная, так сказать. В общем, зря я вас тогда на «ты», и в глаза тоже зря. И сейчас сожалею страшно. В общем, давайте больше не ссориться, а?

И премило улыбнулась, прижимая к груди покрывалко. А он все стоял каменной статуей, молчал и нагнетал. В какой-то момент я поняла, что хуже быть уже не может, и, собственно, раз у нас так далеко зашло, то терять мне реально нечего. Схватила с прикроватной тумбы вилку, ножик (жаль, покрывало пришлось отпустить) и строго приказала:

– Покажи грудь! – Глаза министра моментально округлились в шоке, но я быстро исправились: – ПокажиТЕ! Пожалуйста.

Последнее прошептала одними губами, потому что, кажется, все. Мне реально конец. Я по звериному выражению лица видела.

– Насилие карается смертной казнью, – произнес вдруг министр. И покосился на приборы в моей руке.

Покусав губы и хорошенько все взвесив, я бросила приборы, подобрала покрывало и завернулась в него.

– За это тоже простите, – пискнула я. – Стресс! Все он.

Подумала еще и решила давить на жалость.

– И я ректора боюсь, потому и вооружилась. Мне не нравится его желание меня соблазнить.

– И ты решила соблазнить меня? – с укором спросил министр. – Я что, по-твоему, меньшее из двух зол?

Я еще ответить не успела, а он выставил палец и предупреждающе произнес:

– Хорошенько обдумай ответ.

Кивнула, выдохнула, обдумала. Взгляд метнулся к подоконнику, где лежал блокнот. Почему бы не сказать? Хотя бы часть правды.

– Кажется, у моего призванного была какая-то метка. Или знак. Или шрам. Воспоминания слишком размыты. Но точно помню, что на груди. И раз вы сказали, что мое родимое пятно реагирует на кого-то, и этот кто-то близко, то есть в замке, то я подумала... Проверить каждого.

Подняла робкий взгляд на министра и снова опустила, ногой подталкивая ножичек под кровать.

Молчание длилось так долго, что я сто раз успела пожалеть. И вздрогнула от возмущенного возгласа:

– Каждого?! Каждому будешь предлагать раздеваться? Ты в своем уме?

– Нет-нет! – заверила я, с ужасом посмотрев на него. – Я предлагать не буду...

– А как? Угрозами с тупым ножиком?

– Нет! Я просто... Я... Подглядывать планировала.

Министр, все еще пялясь на меня во все глаза, мигнул. А спустя пять секунд устало выдохнул и сел на кровать, потирая лицо.

– Ты ненормальная, – заключил он. Впервые жаль его стало.

– Ну простите, – виновато шепнула я, тоже сев на кровать, только с другой стороны. И чего он опять молчит? Не могу в такой напряженке. Подтянула на себе покрывалко и несмело спросила:

– Так что? Покажете?

И спустя короткий миг получила угрожающий ультиматум:

– Покажу, если свою покажешь.

– Ну знаете! Раз у вас зрение такое, то вы уже все увидеть должны были, – возмутилась я. – Так что хватит. Показывайте, а то буду думать, что вы и есть тот облажавшийся лах. И слухи по академии нехорошие пушу.

– Ты уверена, что хочешь брать меня шантажом?

– Я вообще не хочу вас брать, если честно. Я вас из списка вычеркну, и на этом все. Эсмин Эльдеон, помогите! Я в отчаянии. Мне здесь на вашем Лахусе совсем не нравится, понимаете? Я очень-очень домой хочу.

Демон этот выдохнул. Кажется, ему тоже меня жаль стало.

– Не впишусь я...

– Я понял, – оборвал он. – Но логику твою не понимаю. Ты думаешь, если найдешь своего призванного, то он откроет тебе портал?

– Да! – воскликнула я.

– Нет! – возразил министр. Я даже обернулась. Он тоже уже вполоборота сидел и смотрел на меня с насмешкой. – Чем ты слушала? Порталы контролирует король. И без его разрешения пересечь границу нельзя. Но даже не надейся, что он отпустит тебя. Он скорее закроет путь на Землю навсегда, отрезав возможность землянкам общаться с родителями и близкими, чем позволит тебе вот так уйти.

Это была самая худшая новость из всех, что мне доводилось слышать с момента, пожалуй, моего рождения. Как узнать о смертельной болезни. Все, о чем ты можешь думать, это что тебе конец. И нет ни единого шанса на спасение.

– Валерия? – позвал Эльдеон.

Я подняла на него глаза, из всех сил пытаюсь прогнать слезы, чтобы он не видел меня слабой и разбитой. Министр язвить не стал. Вместо этого показал фокус.

На его запястье был браслет из маленьких круглых бусинок. Неприметный на первый взгляд, но как только он его снял, бусинки засветились разными цветами. Я насчитала одну зеленую, голубую, четыре красных, одну черную, две коричневых, три желтых, а потом и считать перестала. Эльдеон сдернул с нитки красную и увеличил ее знакомым движением рук. Похоже на портал или связующий шар, только этот был небольшого размера. А внутри я увидела свой словарь немецкого языка и маленькую баночку, как от крема.

Улыбнувшись, послала министру вопросительный взгляд, и он кивнул.

– Бери.

– Как это работает? – поразилась я, протягивая руки внутрь. Словарь действительно был там. Я вытащила его из красного дымчатого шара, пролистала странички и убедилась, что он тот самый.

– Магия пространства, – ответил Эльдеон и достал еще и баночку. – Сжатие небольшого пространства под силу всем магам. Как этот карман, – он кивнул на красный шар и, снова уменьшив его движением рук, начал прикреплять к браслету.

– Зеленый – это телефон! – воскликнула я. И на удивленный взгляд Деона пояснила: – Мне Кристина показала. А черный для чего? Что-то зловещее, да? Вы там прах своей бабушки носите?

Он фыркнул, застегивая браслет на запястье, и поднял на меня глаза.

– Документы.

– А-а-а! – протянула я многозначительно. Важный какой. – А в желтом?

– Прах бабушки, – сдерзил министр и открыл баночку. Внутри действительно был крем. Волшебный, наверное... Ах да! Он ведь обещал средство от пятна принести.

– Но там три желтых, – заметила я, решив расспросить побольше об этих шариках. Может, и о портале что-то узнаю.

– Замри, – приказал мужчина строго и приблизился, чтобы намазать мою щеку.

– Я сама могу, – едва слышно шепнула и закусила губу, когда лах послал мне недовольный взгляд.

– Ты владеешь высшей магией? – спросил он с вызовом.

Покачала головой и закрыла глаза. Так и быть. Потерплю и его дыхание на своей щеке и прикосновения пальцев, от которых кожу покалывает... Магичит там небось. Пускай! Зато пятна завтра не будет. Хотя на фоне всего происходящего родимое пятно вообще уже не кажется проблемой.

– Не смывай до утра, – посоветовал Эльдеон.

– Угу.

– Валерия? – позвал он. Я открыла глаза и отпрянула, потому что он все еще этого не сделал. – Я попробую открыть портал.

Вот только он так мог. Сначала разбить вдребезги все мечты на светлое будущее, а через минуту дать надежду.

– Правда? – несмело спросила я.

– Обещать не буду. Но попробую. Я открою его для себя под предлогом возвращения на Землю с целью изучения культуры. Этот портал будет отличаться от того, через который ты попала сюда. Тот срабатывает на землянок, а этот на лахов. И теоретически, если в тебе нет частички одного из нас, портал тебя не распознает. Как ты понимаешь, прецедентов не было, потому знать наверняка я не могу.

Я прикусила губу, сознательно делая себе больно. Потому что прямо сейчас мне хотелось броситься на этого мужчину с объятиями, расцеловать, а может, даже задрать и так полупрозрачную ночнушку с криком «Смотри, родненький! Сколько хочешь, смотри!». Но, слава богу, сдержалась. Вместо этого выпалила:

– И как я смогу вас отблагодарить?!

Лицо министра тут же помрачнело, а взгляд стал угрожающим.

– Ты опять?

– Да я из вежливости! – попробовала оправдаться. – Я же не виновата, что у вас здесь любая фраза рассматривается как приглашение к интиму?

– А может быть, это у вас слишком культивирован флирт? – парировал он. – Настолько, что вы уже и не видите разницу между скромным предложением и откровенным соvrщением?

– Я вас ни разу не соvrщала! – заявила я, положив руку на сердце. Он проследовал взглядом за моей рукой и поджал губы.

– Угу.

Руку убрала, покрывало подтянула до подбородка и терпеливо выдохнула.

– Хорошо. Давайте попробуем еще раз, – предложила я. По лицу министра видела, что он не хотел, потому заговорила быстро: – Эсмин Эльдеон, я буду безмерно благодарна вам за любую помощь. И если есть что-то, что я могу для вас сделать... Вам предложить...

Продолжать не стала, потому что явно же не получалось. И дело вовсе не во мне! А в том, что, кажется, у кого-то очень бурная фантазия, но этот кто-то слишком гордый, чтобы признаться даже себе, что сам извращенец, коих поискать.

– Ладно, – подытожила я.

– Да, – согласился Деон и встал. – Меня не будет несколько дней. Постарайся за это время не прославиться на весь Лахус, в таком случае я тебя переводить через портал не стану.

Со всей серьезностью кивнула. Постараюсь!

Он уже подошел к двери, уже и за ручку схватился, но вдруг остановился, неприятливо покосившись на стол.

– И хватить таскать мебель. От ректора тебя это не спасет. Я с ним поговорю.

Опять кивнула. Поговори, да!

Дверь открыл, сделал шаг и еще раз послал мне строгий взгляд.

– Хочешь меня отблагодарить? – с призывом спросил он.

Уже не так уверенно кивнула. Взгляд мне его совсем не нравился. Впрочем, он быстро посуровел.

– Не приставай к другим лахам! – приказал министр.

– Не буду! – И опять руку на сердце положила. Машинально. Я ведь правда за портал на все была готова.

Сощутив глаза, министр уже почти ушел, но, стоя на пороге, шумно выдохнул и закрыл дверь обратно. Обреченный стон я подавить не успела. А потом опять чуть не свалилась с кровати. Он начал раздеваться! Попустил завязку на андзуге и растянул ворот настолько, что... наружу показалось все. Не так, как я себе это представляла в фантазии с ректором, а намного... эстетичнее. Мне открылись только широкая гладкая грудь и вылитый в идеальные кубики пресс. Как будто это тело было создано для порока и исполнения всех самых извращенских женских фантазий. А чуточку ниже пупка тоненька дорожка волос, ведущая куда-то...

Эльдеон резко запахнул ворот, послал красноречивый взгляд и ушел. Вот теперь точно. Я это осознала, потому что в комнате резко похолодало, кожа моя покрылась мурашками, и мозг наконец начал думать. Я поймала себя на том, что сижу с отвисшей челюстью и пялюсь на то место, где еще пару секунд назад стоял министр. И слюны стало слишком много. О да... И никакого тату дракона.

Сморгнула наваждение и упала на подушку. Бред какой-то.

Глава 9

Четвертый день на Лахусе начался с паники. Зуд! Беспощадная кусачая чесотка напала на мое лицо и жгла до безумия. Чертов крем, чертов министр и чертов Лахус вместе с ними. Ненавижу! Всех и вся ненавижу! Подбежала к зеркалу, вскрикнула от ужаса, узрев свою красную, как помидор, да еще с черными пятнами физиономию, и помчалась вниз. Смыть весь этот ужас.

О том, что ванная могла быть занята, я думала в последнюю очередь. Мне бы кожу сохранить, а то появилось такое чувство, что она вот буквально уже начала плыть по шее. Так что да! Когда я с ором вбежала в ванную комнату и начала умываться, то по сторонам особо не осматривалась. Увидела только на раковине брусок лахусского мыла, которое так хвалила Кристина, и принялась намыливать им лицо. Я уже и не надеялась на чудо, и даже мысленно попросилась с симпатичной внешностью и окончательно похоронила свои надежды избавиться от родимого пятна. Но мыло вдруг начало действовать. И когда я смыла его водой, с блаженным стоном выпрямилась и уставилась в зеркало. А там, в отражении, еще три физиономии. И тоже все красные, хоть и не такие, как у меня.

– Э-эсмина Валерия? – спросил один из лахов. Он, кстати, единственный смотрел мне в глаза. Взгляды остальных двух были бессовестно прикованы к моей заднице. Тут я и про ночнушку вспомнила, и про то, где нахожусь, и сразу же про тату дракона вместе со списком подозреваемых.

Все трое, явно только вышедшие из-под душа, мокрые еще, только слегка прикрытые полотенчиками в стратегических местах, оказались без татуировок на своих превосходных телах. Среди лахов вообще бывают дрыщи или толстяки? Что же это за наказание такое? Что не мужик, то сказка. Прямо бесит!

– Ой! – наконец отреагировала я. Медленно обернулась, прикрывая грудь, правда, те двое так глаз и не подняли. Я потому обратилась к тому, кто все еще помнил о правилах приличия. – У меня это... Лицо горело. Но уже все. А вы продолжайте. Ну, я...

Продвинулась вдоль стеночки к двери и толкнула ее.

– Пойду я.

Они так и стояли молча, наверное, думая, какая я неприличная падшая женщина. Вот почему пройдя всего пару шагов, я вернулась и добавила:

– Вы только ничего не подумайте, это я с вами совсем не заигрываю. И совращать меня теперь не надо.

Почему-то тот, который на лицо смотрел, осуждающе покачал головой, а те, которые мое тело мысленно поимели во всех позах, вдруг с прищуром посмотрели мне в глаза. Недоверчиво так, изучающе. В общем, я рванула обратно в спальню что было сил. А в комнате еще раз пробежалась по именам из списка и опознала всех троих. Ботаника, зоолога и культуролога вычеркнула.

А потом началось самокопание.

«Я ведь обещала ему, что приставать ни к кому не буду. И что? А то, что обещания нужно сдерживать. И потом, я же не приставала, все случайно ведь произошло! Точно так же совершенно случайно я могу всех по списку проверить. Но с другой стороны... Зачем оно мне? Даже если и узнаю этого недоделанного, дальше что? Просто посмотрю ему в глаза, гаду мерзкому. Мне этого хватит. Ну ладно, зачем себе врать? Еще врежу ему между ног, вот тогда точно можно домой с Эльдеоном махнуть. Ага! Только если он узнает, что обещание я все же нарушила, то не видать мне ни Земли, ни родной мамы. Так что все! Ниже воды, тише травы, или как там...»

И еще через час, когда за мной зашел мрачный Эринс, сопровождал в душевую, и сразу после в столовую, подумала:

«Нет, ну я же не виновата, что искушение слишком велико. Это как какая-то маниакальная одержимость. У тебя есть список имен. Поначалу это просто запись ручкой на листке, просто ничем не раздражающие тебя имена. Потом появляются сведения, и ты вычеркиваешь одно имя. Затем второе. Затем еще три. И все! Режим «маньячка» запущен. Я просто не могу этому противостоять!»

И, как назло, за завтраком был ректор. И сел он, конечно, рядом.

Поздоровавшись, я начала есть, витая в своих бранных мыслях. А вот Вальд нет. Он не ел, если только меня и взглядом. Наклонившись так близко, что другие нас уже не могли слышать, он шепнул:

– Что с твоей щекой, Лерочка?

Чуть не поперхнулась.

– Валерия! – поправила я. Может быть, громче, чем следовало, потому что многие девушки на меня недовольно покосились. Опять! Не знаю, как эта лахусская магия работает, но эффект точно стадный. Только попробуй быть не как все! Покачивая головой, я холодно посмотрела на ректора.

– Зачем вы их держите под гипнозом во время еды?

– Чтобы не повторить опыт первого вечера, – охотно пояснил ректор и начал нарезать свой скрученный в трубочку омлет. – Не хочу, чтобы ты думала, что в этом есть твоя вина, но все же тот бунт подняла ты. Впрочем, каждый год одно и то же. Среди сотни обязательно найдется пара десятков строптивцев. И если бы только метание едой, Лера!

– Валерия, – напомнила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.